

Его величество Случай

Валерия
ВЕРБИНИНА

Замок
четырех ветров

Annotation

Замок Фирвинден, принадлежащий древнему роду Рейтерн, всегда пользовался у местных жителей дурной славой. А все из-за призраков, живущих в его стенах и не дающих покоя никому из живущих в замке. Если верить легендам, призраки являются перед большими несчастьями, и если кому-то не посчастливилось их увидеть, он вскоре умрет. Но юная Анастасия Ланина и ее отец, скромные почтовые служащие, не верили в привидений, поэтому охотно приняли приглашение пожить в замке после того, как их дом сгорел. Но они... тоже стали видеть и слышать призраков! Анастасия решила разоблачить обман, ведь она была уверена, что все потусторонние явления – просто чей-то ловкий трюк. А компанию ей составил граф Рейтерн, молодой хозяин замка, внезапно нагрянувший в свое родовое гнездо...

Глава 1

Родственные узы

Мне хочется начать свой рассказ с того весеннего дня, когда я впервые приехала в Митаву. Шел одиннадцатый час утра, когда состав, пыхтя и изрыгая пар, подкатил к перрону и остановился. Со мной был только один небольшой чемодан, и, поудобнее перехватив его ручку, я двинулась к выходу из вагона.

Пассажиры, встречающие, носильщики, от услуг которых я отказалась, красно-бурое здание вокзала, и, наконец, привокзальная площадь, на которой стоят извозчики.

– Барышня! Фрейлейн! Доставлю, куда вам угодно...

Я заколебалась. Дом, в котором жила тетка, находился довольно далеко от вокзала, и извозчик бы мне не помешал.

– Сколько? – спросила я.

– Пятнадцать копеек по городу. За город – дороже...

Я посмотрела на чемодан, словно он мог помочь мне решить, брать извозчика или нет. Утром я заплатила за билет третьего класса от Риги до Митавы 44 копейки, а ведь на билет до Риги от Двинска тоже пришлось потратиться...

– Спасибо, – сказала я наконец, – пройду пешком.

Шел первый месяц весны, и прекрасная погода располагала к прогулке, хотя для меня эта прогулка получалась скорее вынужденной. Дом тетки находился на Лилиенфельдской улице, и, как я поняла из ее письма, если двигаться от вокзала напрямик вдоль реки, то в конце концов как раз попадешь в нужное место. Но когда идешь по Александровскому проспекту, который переходит в Дворцовую улицу, реки за домами не видно. Сама улица упирается в Рыночную площадь, на которой в то утро царила сутолока, тянулись бесконечные возы и телеги, ходили покупатели, которые приценивались к товару и торговались на нескольких языках. Устав пробираться сквозь толпу, я свернула на Большую улицу, так как решила, что она выведет меня к реке, но она увела меня совсем в другую сторону, и вскоре я оказалась возле Яковлева канала. Канал окончательно сбил меня с толку – я подумала, что уж он-то точно должен идти к реке, но на самом деле он с ней не связан. Не меньше получаса я шла вдоль него, но, поняв, что он ведет не в город, а из города, остановилась. Чемодан за все время моих блужданий по Митаве словно стал во много раз тяжелее весом и уже порядком оттягивал руку. Не выдержав, я поставила его на землю и села на него.

Ну что мне стоило взять извозчика, в самом деле? Если бы не безденежье, которое вынуждает экономить каждый грош... ах, если бы не оно!

Время близилось к полудню, на воде канала вспыхивали золотые блики, по каналу медленно плыла лодка. В лодке сидел человек – сейчас, к стыду моему, я не вспомню ни его лица, ни примет. Приблизившись, он вынул изо рта длинную трубку и сначала по-немецки, а затем на ломаном русском спросил, не нужна ли мне помощь.

– Я ищу Лилиенфельдскую улицу, – призналась я.

Мой собеседник изумился.

– Вы совсем не там ее ищите... Смотрите, вам надо вдоль канала вон туда, – он показал рукой, куда именно, – канал приведет вас на Писарскую улицу, вы идите по ней и дальше,

пока слева не увидите Зеештрассе... Озерную улицу. Справа будет рынок, слева та улица, которая вам нужна. Поворачиваете на Озерную улицу и дальше прямо, после нее и начинается Лилиенфельдская. Но лучше возьмите извозчика, – прибавил он, – все-таки вам далеко идти.

Я от души поблагодарила собеседника, встала и взяла чемодан. Теперь, когда я точно знала дорогу, блуждания по незнакомому городу уже не казались такими мучительными. Кажется, на Писарской улице я впервые обратила внимание на то, что вывесок на немецком языке было едва ли не больше, чем на русском, что неудивительно, так как Митава – главный город Курляндской губернии, долгое время тяготевшей к Германии, и половину населения в ней составляют немцы. До того как я приехала сюда, мне почему-то казалось, что в облике Митавы будет проглядывать что-то французское – недаром же в ней долго жил изгнанный французский король и выходила замуж дочь несчастной Марии Антуанетты [\[1\]](#). Но французского я не заметила ровным счетом ничего, и даже парфюмеры с парикмахерами, судя по их вывескам, были сплошь немцы. На Озерной улице я уточнила у городского, правильно ли я иду к Лилиенфельдской улице, и, услышав, что до нее осталось не так уж много, двинулась туда, где меня ждала встреча с теткой и ее семьей.

Улица, о которой идет речь, расположена на окраине города. Название ее, как я позже узнала, происходит от выражения «поле, на котором растут лилии», но если там когда-то и водились эти цветы, то от них не осталось и следа к тому моменту, когда я впервые ее увидела. Тетка жила в небольшом домике с черепичной крышей, принадлежавшем ее мужу – третьему по счету, если быть точной. Я постучала в дверь; открыла горничная.

– Я Анастасия Ланина, – сказала я. – Дарья Семеновна знает о моем приезде.

Горничная посмотрела на меня, на мой коричневый чемоданчик и снова перевела взгляд на мое лицо. Она словно колебалась, впускать меня в дом или нет, и, не стану скрывать, меня это озадачило.

– Они не ждали вас сегодня, – наконец нехотя выдавила из себя горничная. По-русски она говорила с небольшим, но все же заметным акцентом.

Она посторонилась, пропуская меня, – а потом, заперев дверь, как-то очень ловко пробралась между мной и дверью в комнаты, пока я снимала шляпку, перчатки и пальто. Горничная была раза в три шире меня, и то, как она стояла, словно загораживая от меня дверь в гостиную, мне не понравилось.

– Подождите здесь, фрейлейн, – сказала горничная.

И удалилась, плотно прикрыв за собой дверь.

Я не считала себя обидчивой (хотя кто из нас не обидчив в 17 лет?), но такое поведение меня все же задело. В голове у меня даже мелькнула мысль, что Митава, превратившаяся в лабиринт, который уводил меня далеко от цели, на самом деле жалела меня, потому что знала, какой прием мне предстоит. Впрочем, тотчас сказала я себе, все это мои фантазии, развившаяся от чтения книг привычка находить скрытые смыслы там, где их нет. Любой может заблудиться в городе, в котором он не бывал прежде, и это ровным счетом ничего не значит.

Но тут передо мной вновь возникла горничная, с поклоном выхватила у меня пальто и перчатки (шляпку я успела положить на стоявший возле меня низенький комод), очень ловко убрала их и помогла мне снять обувь, хотя я и сказала, что разуюсь сама.

– Прошу, фрейлейн... Сюда!

И я оказалась в гостиной, где стояли этажерки с какими-то фарфоровыми

безделушками, на столе лежали немецкие газеты с готическим шрифтом, а с синего дивана мне навстречу поднималась тетушка Дарья Семеновна, протягивая обе руки.

– Настенька! А мы думали, ты приедешь позже... Почему ты нас не предупредила? Мы бы тебя встретили! Твой отец часто о тебе писал... Я так рада тебя видеть! Нам столько надо обсудить... Мария! Приготовь комнату для нашей гостьи...

Она тараторила без умолку, не ожидая ответа. Передо мной была дородная, энергичная дама лет 50, с темными волосами без намека на седину и румянцем во всю щеку. Если бы я не знала, что ее отец был скромным служащим министерства путей сообщения, я бы заподозрила, что он был военный не ниже полковника – настолько в его дочери ощущался командирский дух. Не прошло и минуты, как вокруг хозяйки дома все пришло в движение; казалось, еще немного, и стулья со столом, и этажерки с фарфоровыми фигурками сорвутся с места и начнут кружиться в воздухе. Горничная получила два десятка точнейших указаний и убежала их выполнять; на ее место был вызван слуга, которому поручили передать кухарке, что обед надо готовить на троих человек, после чего началось подробное обсуждение самого обеда на немецком, которым я не владела. Наконец Дарья Семеновна утомилась и взмахом руки отпустила слугу, который с поклоном удалился.

– Вот так-то, – неизвестно к чему промолвила тетка, опускаясь на диван и пытливо глядя на меня. – Домашние дела требуют внимания, чуть зазевался и... Ты ведь любишь курицу?

Ее слова напомнили мне о том, что я проголодалась, и я ответила утвердительно; впрочем, сейчас я бы не отказалась от любой пищи.

– Придется только подождать Густава, а он будет не раньше четырех, – вздохнула тетка. – Он сейчас в Либаве, по делам... Ну, присаживайся, что же ты стоишь? Рассказывай: как Михаил, что с ним?

Михаилом звали моего отца, который приходился Дарье Семеновне двоюродным братом. Когда они еще были детьми, их родители много общались, но потом жизнь как-то незаметно развела родственников. Дарья Семеновна рано вышла замуж, но ее первый муж, как утверждали злые языки, пил больше, чем следует, и лет через пять она стала вдовой. Должно быть, она сумела учесть ошибки прошлого, потому что ее второй муж даже не приближался к выпивке. Она родила ему трех сыновей и, судя по всему, была вполне счастлива, но счастьем пришел конец, когда супруг погиб в результате несчастного случая. После этого Дарья Семеновна посвятила себя детям. Время идет быстро: не успеешь опомниться, как старший сын уже женат, средний поступает на службу в губернское правление, а младший отправляется учиться в университет. И вот тут-то на ее пути и возник Густав Эссен, солидный торговец из Митавы, которого ветры судьбы занесли в Орловскую губернию – занесли, судя по всему, лишь для того, чтобы он увидел румянец Дарьи Семеновны, ее пышный стан, услышал ее громкий голос и влюбился, хотя ему было уже сорок с лишком лет.

– Замуж в третий раз – да ни за что! – помнится, написала Дарья Семеновна моему отцу.

Однако, как истинная женщина, слова не сдержала: обвенчалась со своим Густавом, дом оставила на среднего сына, а сама перебралась в Митаву, к мужу.

...И вот я сижу напротив нее на краешке стула, чинно сложив руки на коленях, и не знаю, что сказать.

– У отца все хорошо, – наконец промолвила я. – Он получил новое назначение...

– Куда?

– В Шёнберг.

– В Шёнберг? – изумилась моя собеседница. – Это который в Бауском уезде, что ли? Да ведь это дыра!

– Тетушка...

– Я понимаю, был бы город... Вот Орел – город! Петербург – город! – Так как она родилась в Орле, то ничего удивительного, что она ставила его перед столицей Российской империи. – Митава – город! А Шёнберг – что это такое? Неужели твой отец не мог добиться, чтобы его перевели на более приличное место?

Я закусила губу.

– Он просил, чтобы его отправили куда-нибудь подальше от Иллукста, – наконец выдавила я из себя.

– А что твоя мать? Не одумалась?

Я побагровела.

– Она... Нет.

Тут, пожалуй, стоит сказать, что мой отец, Михаил Арсеньевич Ланин, после неоднократных попыток найти свое место в жизни поступил на службу в почтово-телеграфное ведомство. Некоторым его сотрудникам удастся сделать карьеру, не покидая конторы в большом городе, но мой отец к числу этих сотрудников не принадлежал. Раз в несколько лет его переводили с места на место, и мы, его семья – мать, я и младший брат Саша, – были вынуждены следовать за ним. Не скажу, чтобы эти переезды были затруднительны или неприятны, но одним из их следствий было то, что я училась урывками и так и не смогла получить хорошего образования. Жили мы в уездных городах Смоленской губернии – в Дорогобуже, Рославле, Поречье, а еще какое-то время провели в деревне с дивным названием Блинные Кучи, где незадолго до нашего приезда открылось новое почтовое отделение. Мать, конечно, мечтала о том, чтобы отца перевели в Смоленск, откуда была родом она сама и где жила вся ее родня. Она возлагала на возвращение в город своего детства большие надежды; но к Смоленскому почтово-телеграфному округу также относятся почтовые отделения в Иллуксте и Гриве, находящиеся в Курляндии, и года два тому назад отец получил назначение в Иллукст. Хорошо помню, что, узнав об этом, моя мать не выдержала и устроила отцу то, что в романах именуется «сценой». В жизни, впрочем, никто не бил посуду, не заламывал рук и даже не особенно кричал; мою мать просто возмущало, что отец не может – «как все люди» – как-нибудь так «устроиться», чтобы получать приличное жалованье и не переезжать с места на место.

– Настеньке скоро о замужестве думать надо! А Саше – учиться! Мотаемся по губернии, как проклятые, угла своего не имеем... теперь вот Курляндия какая-то... О боже мой!

Мой отец попытался терпеливо втолковать ей, что если он поедет в Иллукст, его повысят до помощника начальника почтовой конторы, а значит, он будет получать больше жалованья.

– А Тадышев в твои годы уже начальник конторы! – вырвалось у матери. – Да еще в Смоленске, и ему не надо скитаться по уездным городам...

Позже я не раз вспоминала эту ссору, которая стала как бы предвестием последующих событий. Конечно, мы собрались и переехали в Иллукст; хоть и уездный центр, официально он числился не городом, а всего лишь местечком. Жить там было не так уж плохо, неподалеку находился большой женский православный монастырь, мать помогала отцу разбирать письма, поступающие на почту, а потом туда пришел за каким-то заказным пакетом помещик Колесников. Обменялся с моей матерью ничего не значащими фразами,

затем зашел еще раз, и еще один, а через некоторое время мать забрала Сашу и ушла из семьи.

Любое местечко являет собой пример достаточно замкнутого мира, и, разумеется, случившееся в нашей семье дало пищу для множества пересудов. И вот ведь что интересно: не был Колесников гусарским поручиком, не слыл донжуаном и вообще до поры до времени ничьих сердец не разбивал; внешности самой обыкновенной и даже по возрасту чуть старше, чем мой отец. Ничего, ну ничего в Колесникове не было такого (казалось мне), чтобы из-за него уходить из семьи. Добродушный, немножко рыхлый, с рыжеватыми усами, – одним словом, человек как человек. Захоти я на этих страницах изобразить его злодеем, посягнувшим на покой домашнего очага, мне бы пришлось прибегнуть к самым черным краскам, но изображенный ими в итоге оказался бы вовсе не тем вполне заурядным существом, которое разрушило нашу крепкую – как я верила – семью.

На лестнице унижения много ступеней, и в той ситуации мы с отцом прошли их все: попеременно искали встреч с матерью, уговаривали ее одуматься, пытались напомнить ей, как нам было хорошо вместе... Как-то раз отец сказал мне, что жалеет о том, что он не дворянин и не может вызвать Колесникова на дуэль. Он измучился, и мне было больно глядеть на него. Поэтому я была рада, когда он завел разговор об отъезде.

– Я попрошу Ивана Яковлевича, – это был начальник почты в Иллуkste, – чтобы он похлопотал за меня... Согласен на назначение куда угодно, только подальше отсюда!

Но на тот момент свободной вакансии помощника начальника в Смоленском почтово-телеграфном округе не оказалось. Имелось одно место в соседнем Рижском почтово-телеграфном округе, к которому относится почти вся Курляндия, и потребовались дополнительные бюрократические формальности, чтобы отца в конце концов перевели туда.

О том, что в Митаве живет его двоюродная сестра, я знала уже давно, но долгое время общение нашей семьи с ней ограничивалось обменом короткими письмами два или три раза в год. Когда же стало ясно, что никакой семьи больше нет, Дарья Семеновна прислала длинное послание, в котором предлагала забрать племянников (то есть меня и Сашу) к себе. Впрочем, Саша остался с матерью, и у отца не хватило духу возражать – он знал, как мой брат к ней привязан. Я же, напротив, всегда была «папиной дочкой».

– Может быть, тебе действительно будет лучше в Митаве? – нерешительно заметил отец, прочитав вслух ту часть письма, которая касалась меня. – Губернский город – это губернский город, а Шёнберг – всего лишь небольшое местечко.

– Но я совсем не знаю Дарью Семеновну, – сказала я. – Какая она?

– Какая? – Отец усмехнулся. – Ну, она... Мне кажется, она совсем не плохая. Впрочем, может быть, я ничего не понимаю в женщинах...

Облачко набежало на его лицо. О чем бы он ни заговаривал, он всегда рано или поздно начинал думать о той, которая променяла его на помещика с рыжими усами.

Мне не хотелось оставлять отца одного. С другой стороны, я слышала о Митаве и была не прочь съездить туда. В конце концов мы условились с отцом, что он отправится в Бауск, а я по железной дороге доберусь до Митавы, пообщаюсь с двоюродной теткой и уже на месте решу, останусь ли жить в ее доме или нет.

– Три дня тебе хватит, чтобы принять решение? Мне все равно придется задержаться в Бауске. Если решишь ехать, вышли мне телеграмму только из одного слова: «Еду». Тогда я подожду, когда ты приедешь в Бауск, и поедем в Шёнберг вместе. Если останешься в Митаве, ничего не высылай.

— А на чем мне добираться до Бауска, если я все-таки решу уехать?

Этот вопрос пришлось разьяснять дополнительно, так как между Митавой и Бауском все-таки целых 43 версты. Впрочем, выяснилось, что из Митавы в нужном мне направлении ежедневно отходят дилижансы, но поездка в один конец обойдется куда дороже железнодорожной.

Итак, из Иллуkste в Двинск, дальше по железной дороге до Риги, ночь в дешевой гостинице, утренний поезд от Риги до Митавы — и вот я сижу в домике с черепичной крышей на улице с цветочным названием, где нет цветов.

Глава 2

Нелегкий выбор

– Ведь кончится тем, что он ее бросит, – сказала Дарья Семеновна, имея в виду мою мать и Колесникова, – и хорошо, если она детей не приживет.

В это мгновение я поняла, что выражение «провалиться от стыда сквозь землю» вовсе не метафора, потому что мне захотелось именно провалиться и именно сквозь землю. Я не одобряла поведение моей матери, но мне претило, когда ее обсуждали при мне посторонние, в сущности, люди, да еще таким тоном.

– Может быть, зря я это говорю, – добавила хозяйка дома, посмотрев на мое пылающее лицо, – но ты уже взрослая, должна понимать, что к чему.

Я не хотела ничего понимать, что, впрочем, вовсе не помешало Дарье Семеновне гнуть свою линию и долго еще толковать о том, как опрометчиво поступила моя мать и как ее поступок отразится на добром имени нашей семьи.

– Ну а Михаил? Как же он мог ничего не заметить, скажи на милость? Ведь когда затеваются такие дела, – тетушка заколыхалась от возмущения, – только слепой не увидит, что что-то готовится...

Я попыталась объяснить, что когда ты привык доверять человеку, в голову не придет, что он собирается поступить с тобой дурным образом.

– Ха, доверие! – фыркнула тетушка. – Доверие – это вздор! А я тебе скажу, отчего все происходит. Сначала граф Толстой напишет роман о том, как хорошо изменять мужу, а потом кто-то прочитает его – и что? Воспримет как руководство к действию!

Я вытаращила глаза.

– Ведь если сам граф Толстой написал, что можно изменять мужу, – увлеченно продолжала Дарья Семеновна, – значит, так оно и есть! Можно забыть и стыд, и элементарную порядочность, и... и про близких своих забыть, например!

И тут я поняла, что жестоко ошиблась в Дарье Семеновне. Повелительный тон, румянец, объемистый стан – ничто из этого, по сути, не имело значения, потому что прежде всего она была просто-напросто глупа.

У глупости есть множество оттенков, но глупость в сочетании с непробиваемой уверенностью в своей правоте – явно не то, с чем имеет смысл бороться. Я могла бы сказать, что граф Толстой – великий писатель и что «Анна Каренина» написана вовсе не для оправдания супружеских измен, могла бы доказывать, что жены уходили от мужей задолго до появления этой книги, могла бы привести десяток других доводов – они бы ровным счетом ничего не изменили, потому что Дарье Семеновне было удобнее верить, что граф Толстой сочинил роман сомнительной моральной ценности, что моя мать – бесстыдница, а отец – по меньшей мере слепец. Таким образом тетушка возносилась над моими родителями – и заодно над каким-то графом, которого знает и уважает весь мир.

– Хорошо хоть у Михаила хватило ума добиться перевода в другое место, – добавила Дарья Семеновна. – Могу себе представить, какие толки шли в уезде о вашей семье, а для девушки на выданье нет ничего хуже, чем такая вот история!

Тут довольно некстати я вспомнила, как развязно со мной стали разговаривать некоторые лавочники в Иллуксте, а еще – как местный священник перестал с нами

здороваться, и отвела глаза.

– Значит, я права, – удовлетворенно констатировала моя собеседница. – Мать твоя и себе жизнь испортила, и вам.

– Но она все равно моя мать, – выдавила я из себя.

Теперь я уже жалела, что вообще приехала в Митаву.

– Ну вообще-то да, но когда будешь общаться с другими людьми здесь, в городе, лучше не упоминай о ней. Говори, что твоя мать умерла. Поверь, так будет лучше для всех, и в первую очередь для себя.

Я подумала, что тетушка не только глупа, но и бессердечна. Фарфоровые дети смотрели на меня с этажерки нарисованными глазами. Наверное, им было проще в тот момент, чем мне... Хотя, может быть, они тоже страдали – от сознания, что когда-нибудь кто-нибудь может их разбить, например.

«Я уеду, уеду, уеду... В Бауск, Шёнберг, куда угодно. Мое место все равно не здесь».

Но Дарья Семеновна еще не считала нашу беседу законченной. Она заговорила о том, где я училась, и о том, что я умею делать. Я призналась, что систематического образования не получила, немного знаю французский, совсем не знаю немецкого, но люблю читать и верю в самообразование.

Я ничуть не удивилась, услышав в ответ, что тетушка не видит в образовании для женщин никакой практической пользы. Разумеется, они должны уметь читать, писать и считать, но вот все эти новомодные бредни... женщины-врачи... женские курсы... Она говорила и говорила без устали, а я думала, что мне хочется есть.

– Зря Михаил позволил твоему брату остаться с матерью, – добавила Дарья Семеновна после того, как женская тема была более или менее исчерпана. – Уж поверь мне, это совершенно ни к чему! Твоя мать своим поведением доказала, что ни во что не ставит семейные узы, а раз так, доверять ей детей никак нельзя.

Она бросила на меня острый взгляд, ожидая одобрения своим словам – или намека на сопротивление, которое позволит ей развить тему и нагородить еще тысячу слов только для того, чтобы заставить меня с ней согласиться. Я, однако, молчала и поглядывала в окно, за которым был виден кусок двора и три дерева, возвышающиеся над оградой. Дарья Семеновна поджала губы.

– Ты всегда такая молчунья? – не удержалась она.

– Извините, – пробормотала я. – Просто я устала после долгой дороги. – Положим, дорога была не такой уж долгой, от Риги до Митавы ехать всего час и восемь минут, но не стоит забывать о том, что мне еще пришлось порядочно поблуждать по самой Митаве. – И... я с утра ничего не ела.

Тетушка всплеснула руками, заахала, заохала и вызвала Марию.

– Густав не любит, когда садятся за стол без него, – доверительно сообщила она мне. – Ну ничего, мы что-нибудь придумаем...

После переговоров на немецком горничная принесла хлеб, сыр и ветчину, немногим позже явились кофе и конфеты местной фабрики Ланковского. Тут, должна признаться, мое мнение о тетушке изменилось в лучшую сторону, потому что она настаивала на том, чтобы я ела, не стесняя себя, и велела Марии унести заветренный кусок сыра, а вместо него подать другой, свежий.

– Это все влияние Густава, – объяснила Дарья Семеновна. – Немцы – жуткие скопидомы, над каждой черствой коркой трясутся. Я пытаюсь его отучить, но пока не очень

получается.

И она засмеялась неожиданно молодым смехом, который окончательно меня с нею примирил.

– А чем занимается ваш муж? – спросила я.

Дарья Семеновна оживилась и с увлечением стала рассказывать о своем Густаве: чем он торгует, как она его встретила, как он сделал ей предложение, как к этому отнеслись ее сыновья и их жены. Она была неутомима и неистощима на подробности, а по некоторым ее замечаниям я заключила, что она вовсе не так глупа, как мне сторяча показалось. Верно, что ей не доставало тонкости и, может быть, умения воздерживаться от суждений о материях, которые находились выше ее понимания, но этим и исчерпывались ее недостатки.

Я уверена, что тетушка могла бы рассказывать о своем муже еще долго, но ее прервало появление горничной, которая доложила, что пришли от портнихи. Дарья Семеновна отпустила меня, и вызванный ею лакей проводил меня в приготовленную для меня комнату на втором этаже. Чемодан мой уже стоял там; я села на кровать напротив него. Перину нельзя было назвать ни слишком мягкой, ни слишком жесткой, мебель тоже была какая-то средняя, правильная, без собственной физиономии, на стене висела приторная красочная картинка, изображавшая замок с островерхими башнями. Сейчас мне кажется, что этот нарисованный замок – первый, который попался мне на глаза в Курляндии, – являлся предвестником того, что должно было случиться со мной в будущем, но если судьба и посылала мне тогда намек, признаюсь, я его не распознала. Куда больше меня заинтересовал увиденный за окном пестрый кот, который пытался подкрасться к голубям во дворе. Но голуби с шумом улетели, и кот стал разочарованно вылизывать лапку.

У меня было три дня, чтобы принять решение, оставаться ли в Митаве в семье Дарьи Семеновны или уехать с отцом в Шёнберг. Пока, признаться, я колебалась. Меня привлекала мысль жить в губернском городе возле железной дороги, ходить по замощенным улицам и записаться в библиотеку, чтобы без помех знакомиться с книжными новинками. Цивилизация очень облегчает жизнь; для того, возможно, она и придумана. Раньше мне доводилось жить в основном в уездных городках, а ведь Шёнберг – даже не город, там нет железной дороги и вряд ли обнаружатся мостовые и библиотека. Одно то, что в почтовом ведомстве несколько месяцев не могли найти человека, который согласился бы ехать туда помощником начальника отделения, говорило о многом. Может быть, Дарья Семеновна права и мне и впрямь лучше остаться в Митаве?

Возможно, все эти доводы убедили бы меня, если бы я не ощущала беспокойства за отца. Мать ушла и забрала с собой Сашу, и теперь, если я тоже оставлю отца, он будет совсем один, далеко от меня. Имею ли я право так поступить? Конечно, я могла успокоить себя соображением, что он сам уговорил меня ехать в Митаву. И все же... все же...

Чтобы немного отвлечься, я открыла чемодан и стала раскладывать свои вещи, но мне пришлось прерваться, потому что вернулся хозяин дома, и Дарья Семеновна пожелала познакомиться нас. Густав Эссен оказался невысоким худощавым господином лет 45, с редкими светлыми волосами; по его жилету вилась солидная золотая цепь от карманных часов, в галстук красовалась дорогая булавка. Рядом со своей дородной, ширококостной супругой, которая к тому же была на полголовы выше его, он смотрелся довольно забавно. Он неплохо говорил по-русски и пожурил меня за то, что я не телеграфировала им, каким именно поездом приеду, – они бы непременно встретили меня на вокзале.

Ужин получился почти семейный, не считая того, что Мария опять подала на стол

заветренный сыр, причем хозяин дома с аппетитом его съел. На другой день я решила погулять по городу и без приключений добралась до набережной, напротив которой впервые увидела остров и выстроенный по приказу Бирона замок, где сейчас размещаются присутственные учреждения и губернская типография. Сияло весеннее солнце, вода казалась синей, как сапфир, по волнам плыли лодки и баржа, груженная песком, в лицо мне дул теплый ветер. В эти мгновения я почувствовала, что Митава мне решительно нравится. Когда нам кажется, что перед нами открывается новая жизнь, что угодно может вызвать наше воодушевление. Я прогулялась по мосту на остров, осмотрела замок вблизи и немного побродила по замковому саду и примыкающим аллеям, где было тихо, тенисто и лишь кое-где виднелись редкие прохожие. Мне захотелось купить открытку и отправить ее брату, но в ближайшем почтовом отделении почти все открытки были с немецкими надписями, а те, которые были с русскими, мне не понравились. Когда я вернулась домой, Дарья Семеновна встретила меня со строгим лицом.

– Где ты пропадала, скажи на милость?

Ее тон меня покорибил, но я тем не менее ответила, что гуляла по городу, хотела купить открытку, но так и не нашла подходящей.

– Тебе не следует много бродить одной, если ты собираешься устроить свою жизнь и выйти замуж, – заметила тетушка.

Озадаченная, я только и могла переспросить:

– Замуж? Я?

– Конечно! Или ты собираешься заняться чем-то другим? Учиться в твоём возрасте уже поздно, жалованье у твоего отца небольшое...

– Я могу пойти работать, – обидчиво промолвила я.

– Кем? Прислугой ты быть не сможешь. Образования у тебя нет, значит, преподавать тебя не возьмут. – Она всмотрелась в мое лицо и добавила: – Впрочем, мы еще поговорим об этом. Разумеется, если ты будешь жить в моем доме, я постараюсь сделать для тебя все, что смогу!

Я тогда еще не знала, что людям, которые привыкли командовать, удобнее всего распределять окружающих по воображаемым клеточкам – как фигуры на шахматной доске. Мне было всего 17, с точки зрения окружающих, я не представляла собой ничего особенного – стало быть, для Дарьи Семеновны я попадала в разряд девушек на выданье, которых во что бы то ни стало необходимо пристроить. То, что у меня могут быть другие устремления, ее не интересовало, потому что она верила, что и без моего мнения знает, как для меня будет лучше.

В тот день произошло еще кое-что, что повлияло на мое решение уехать из Митавы. После ужина я удалилась к себе в комнату, а тетушка и Густав остались в столовой одни. Тут я вспомнила, что забыла внизу книгу, которую начала читать. Не то чтобы она была интересной или какой-то особенной, но мне хотелось ее закончить, и я спустилась по лестнице. Хозяева дома все еще разговаривали в столовой, и, когда я была уже возле двери, я расслышала слова Густава:

– Но она очень много есть!

– Да нет же, ты преувеличиваешь!

– Мария мне сказала, что тфой племянниц зъела вчера шесть кусков ветчины! – сокрушался Густав. – А мясо, а сыр, а яйца? Просто erstaunlich! [\[2\]](#) Такой тихий дефушка – и столько ест! Она разорит нас!

– Гусик, ну перестань...

– Я фсегда тебе говорил: нелься быть такой расточительной, mein herz! ^[3] А портниха? Зачем ты сразу заплатила ей за платье? Гофорил я тебе, она могла еще подождать...

Я не стала слушать дальше и вернулась в свою комнату, чувствуя, как у меня пылают щеки. Решение было принято мгновенно: не имело смысла оставаться в доме, где за мной будут следить и считать каждый съеденный мной кусок.

Утром, после завтрака, я сообщила тетушке о том, что решила поехать с отцом в Шёнберг. Дарья Семеновна была неприятно удивлена и потребовала объяснений. Конечно, я не могла сказать ей, что слышала, как ее муж говорил обо мне. Я сослалась на то, что не могу оставить отца одного, теперь, после всего, что случилось с нашей семьей в Иллуkste. Но так как тетушке было нелегко расстаться с мыслью о бедной племяннице, которую она решительно была настроена облагодетельствовать, мне в конце концов пришлось прибегнуть к нечестному приему и туманно сослаться на некий сон, который меня встревожил, да так, что я теперь не успокоюсь, пока не увижу отца.

– Если с ним что-нибудь случится, – добавила я, – я никогда себе этого не прощу.

– Да что может случиться с Михаилом? – проворчала тетушка. – Он взрослый человек и вполне способен сам о себе позаботиться.

В конце концов мне удалось уломать ее, и я отправилась на телеграф, чтобы послать сообщение о своем приезде.

На другое утро я уехала в Бауск, где меня ждал отец. Прощаясь, Дарья Семеновна сунула мне в руку пять рублей.

– Только Густаву не говори! – прибавила она шепотом. – Ни к чему ему об этом знать...

Я пообещала, что буду аккуратно ей писать, и не без сожаления покинула город герцога Бирона и императрицы Анны ^[4]. На прощание я все-таки успела купить две открытки: на одной был изображен замок, на другой – канал и красовалась надпись «Gruss aus Mitau» ^[5]. Я решила, что оставлю их у себя на память о своем пребывании в Митаве. К сожалению, обе открытки погибли во время пожара, речь о котором еще впереди, а пока – пока я еду в Бауск с одним чемоданом, зажатая в тесном экипаже между лютеранским пастором и пахнущей кислым потом крестьянкой, которая всю дорогу что-то жует. Холмы Курляндии проносятся мимо, экипаж подрагивает на поворотах, и у меня такое чувство, словно мне всегда будет 17 лет.

Глава 3

Почтмейстер и его жена

Отец встретил меня в Бауске. При встрече он, кажется, не сказал ничего особенного, но по его виду я сразу же поняла, что в глубине души он доволен тем, что я приехала. Мы пообедали в гостинице, а потом отправились в Шёнберг.

Энциклопедическим словарям положено знать все, и еще до поездки в Митаву я заглянула в увесистый том Брокгауза, чтобы узнать побольше о новом месте службы отца. Выяснилось, что Шёнберг находится в 30 верстах от Бауска, на юге Курляндии, и из него рукой подать до соседней Ковенской губернии. Сам Шёнберг целиком разместился на одном берегу речки Неменек, а из достопримечательностей может похвастаться католической церковью, построенной еще в XVII веке, которую словарь Брокгауза (точнее, его автор) находил «красивой».

Приехав на место, мы увидели обыкновенное село, состоящее из одной главной улицы, спускающейся к реке, и некоторого количества боковых. Большинство домов были деревянные, в один, редко два этажа, с двускатными крышами. Католическая церковь с двумя колокольнями, упомянутая в словаре, казалась огромной. Она располагалась в стороне от главной улицы, но так, что ее можно было видеть из любой части Шёнберга.

Почтовое отделение находилось в небольшом кирпичном домике, стоящем в центре села. Позади него в некотором отдалении был виден еще один домик, деревянный. Во дворе копошились куры, а в стороне от них важно прохаживался аристократ птичьего двора – большой белоснежный гусь, даже не подозревающий о том, что хозяева откармливают его к какому-нибудь празднику.

Наше прибытие произвело на почте небольшой переполох. Начальника на месте не оказалось – он ушел на обед, и в его отсутствие за какие-нибудь пять минут мы познакомились со старшим сортировщиком Лихотинским, почтовым чиновником по фамилии Крумин и телеграфистом Гофманом. Пока отец разговаривал с двумя последними, Лихотинский куда-то исчез и вскоре вернулся с незнакомым нам господином средних лет. Если бы потребовалось охарактеризовать его внешность одним словом, я выбрала бы эпитет «представительный». Он был среднего роста, русоволосый, круглолицый, с небольшими усами щеткой, но все эти незначительные, в сущности, приметы меркли по сравнению с общим впечатлением, которое он производил. Он заполнял собой пространство так уверенно, что внушал невольное уважение одним своим присутствием.

– Михаил Арсеньевич Ланин, только что прибыл на новое место службы, – объявил Лихотинский. – Анастасия Михайловна, его дочь... А это Джон Иванович Серафим, начальник нашего отделения.

– Вы... э... англичанин? – удивился мой отец.

По тому, как блеснули глаза Серафима, я поняла, что этот вопрос задавал ему едва ли не каждый, кто был ему представлен.

– Шотландец, – коротко ответил Джон Иванович. По-русски он говорил совершенно правильно, без акцента и без запинки. – Очень рад, что вы к нам приехали. Работы у нас хватает, а сейчас, когда одна за другой пойдут местные ярмарки, будет еще больше. Мы – единственная почта на огромном участке. В округе множество имений и замков, один

конный завод барона Корфа чего стоит...

Отец сказал, что работы не боится, но мы хотели бы сначала освоиться на казенной квартире, которую ему обещали как помощнику начальника.

— Это дом позади почты, — ответил Джон Иванович. — На одной половине живу я с семьей, на второй будете жить вы. — Теперь мне стало понятно, почему Лихотинский смог так быстро его привести. — Я пришлю слугу, чтобы он помог перенести ваши чемоданы.

Он не произносил ни одного лишнего слова, и я подумала, что такой человек, должно быть, на своем месте незаменим. Говорят, мир тесен; но нет ничего теснее мира почтового отделения где-нибудь в глуши, и очень многое в таком мире зависит как раз от начальника почты. Плохой начальник способен сделать жизнь служащих невыносимой — как, например, некий Боков, под началом которого отец работал до перевода в Иллукст. Боков пил горькую, притеснял подчиненных, которые отказывались с ним пить, а когда был трезв, придирался к каждой мелочи. И это из-за него в конце концов отца перевели на службу в Иллукст, где случилось то, что случилось.

Покинув почтовое отделение, мы с отцом направились к деревянному домику. Гусь, увидев нас, расправил крылья и недовольно загоготал. Из-за дома выскочил пес размером с теленка и разразился хриплым лаем. Он явно не желал пропускать нас во двор, и положение спасло только появление молодой женщины в ситцевом платье, светловолосой и веснушчатой, которая отогнала пса.

— Заходите! — крикнула она, лучась улыбкой. Зубы у нее были изумительные. — Джон мне уже сказал, что вы приехали...

— Вы его жена? — спросила я.

Она засмеялась и тряхнула головой.

— Эвелина Леонардовна, но для вас — просто Эвелина! Ну, входите же!

Половина дома, отведенная помощнику начальника, на деле оказалась тремя крошечными комнатками, которые скорее напоминали каморки. Четыре остальных занимали Джон Иванович, Эвелина и трое их детей. Заметив мое недоумение, жена почтмейстера пояснила:

— У Джона есть слуга, он спит на чердаке. Мне по хозяйству помогает девочка из деревни, но она у нас не живет: негде. Нянька мне ни к чему, старший и так присматривает за младшими, да и я всегда поблизости...

Мебель в комнатах была старая, скрипучая, двери висели криво и не закрывались до конца. Из окна нашей будущей гостиной было видно поленницу, кусок плетня и колокольни костела. Эвелина объявила, что по случаю нашего приезда приглашает нас вечером на совместный ужин, и удалилась.

Когда дверь за женой почтмейстера закрылась, отец вздохнул.

— Н-да...

— Ничего, — сказала я, чтобы подбодрить его. — В Блинных Кучах было не лучше.

— Я-то перетерплю, — отозвался он. — Но мне жаль, что я заставил тебя ехать сюда.

— Никто меня не заставлял, — упрямо возразила я. — Я сама так решила. Ты берешь себе спальню слева или справа?

— Выбирай какую хочешь, я займу оставшуюся.

Спальни были почти одинаковыми. Я выбрала себе ту, которая была немного меньше; но провести отца было нелегко.

— Эта хуже, — заметил он.

– Как раз по мне, – отозвалась я. – А тебе нужно больше места.

– Ну, как скажешь, – отозвался он с улыбкой.

Узкая кровать, небольшой стол возле окна, стул, почему-то приставленный к стене, рукомойник и гардероб, в который можно было втиснуть только самую необходимую одежду, занимали почти все пространство моей спальни. Я переставила стул к столу и обнаружила, что в этом случае буду наткаться на стул всякий раз, как вздумаю идти к кровати. Пришлось вернуть его на место. Чемодан я положила на кровать, собираясь приняться за разборку вещей, но тут пришел слуга, которого прислала Эвелина. Он принес ковш с водой, чтобы я могла умыться.

Приведя себя в порядок, я почувствовала себя значительно увереннее. Открытки с видами Митавы я прикрепила над кроватью, застелила ее привезенным с собой постельным бельем, одежду убрала в шкаф, а немногие книги, которые у меня были, поставила на стол. Мысленно я составила список вещей, которые придется купить: лампа или свечи, иголки, нитки и ножницы, грелка для постели, чернильный прибор и бумага, а также посуда для нас с отцом. О том, чтобы нанять прислугу, было нечего и думать: она бы просто здесь не поместилась.

Я отправилась искать жену почтмейстера, чтобы узнать у нее, в какой лавке можно купить то, что мне нужно.

– Лампу я вам дам, – отозвалась Эвелина, – грелку тоже, иголки и нитки можете брать у меня, если вам нужно. Чернила и бумагу я попрошу у Джона. И зачем вам тратиться? Посуду можно купить в местной лавке, но вообще у нас хватает и тарелок, и вилок. И не забудьте о сегодняшнем ужине!

Стоит сказать, что ужин удался на славу, тем более что на стол подали того самого гуся, который всего несколько часов назад разгуливал по двору. Вообще почтмейстер и его жена произвели на нас очень приятное впечатление: он – флегматичный британский джентльмен, которого судьба занесла в Россию, она – неутомимая хлопотунья, которая то занималась хозяйством, то шила, то придумывала всякие развлечения для детей. У меня самой не очень получалось справляться с хозяйственными заботами – я привыкла, что все они лежали раньше на матери. На другой день, выслушав мой рассказ о том, как я ходила по лавкам, Эвелина сказала:

– А знаете что, Настя? Раз мы будем жить вместе, давайте устроим общий стол. Мне не сложно готовить на двоих человек больше. Вы только будете платить за продукты треть того, что я потрачу на всех.

Я немного растерялась и сказала, что очень благодарна ей за великодушное предложение, но мне надо посоветоваться с отцом.

– И потом, – несмело добавила я, – нам совестно вас обременять.

Эвелина с изумлением посмотрела на меня и рассмеялась так, как будто слышала хорошую шутку.

– Обременять! Настя, да если бы это было бременем, я бы вам не предложила...

В конце концов мы с отцом согласились на предложение Эвелины и с тех пор завтракали, обедали и ужинали с четой Серафимов.

Мало-помалу я осваивалась на новом месте. Я обошла главную улицу и отходящие от нее переулки, осмотрела снаружи костел и нашла, что он выстроен довольно неуклюже и с претензией на доминирование, хотя католиков в этой местности меньше, чем лютеран. Всего в Шёнберге и его окрестностях живет несколько сот человек, в основном немцы, латыши и

евреи. Русских мало, но есть несколько семей раскольников: это суровые, малоразговорчивые люди, которые держатся особняком от всех остальных. Владельцы имений почти все из немцев, но многие из них предпочитают жить в городах, а землю сдают внаем. В округе есть конный завод и пивоварня, чье пиво – если не ошибаюсь, «Шёнберг № 69» – пользуется местным успехом. Весной здесь начинается пора ярмарок, которые проходят почти каждый месяц вплоть до осени, так что в год получается от 5 до 8 ярмарок.

Я перезнакомилась со всеми местными лавочниками и с немцем-аптекарем, заглянула к единственному в Шёнберге фотографу и снялась у него на карточку. Обрадовавшись новому лицу, молодой фотограф по имени Юрис вывалил на меня целый ворох местных сплетен, пока я позировала. В каждой деревне можно найти свою илиаду и свою одиссею, которые никто никогда не напишет и которые так и останутся на уровне пересудов, пока обывателям не надоест перемывать косточки их участникам. Я узнала душераздирающую историю отца и сына, которые поссорились из-за одной женщины до того, что прекратили всякое общение, а сын к тому же сменил веру. Узнала другую, не менее волнующую историю о том, как богатый лавочник женился вторым браком на бедной сироте, рассчитывая, что она будет дешевой заменой прислуги, а сирота-то оказалась не промах, прибрала весь дом к рукам и методично выживала оттуда пасынков и падчериц. В третьей истории, которую мне сообщил неутомимый Юрис, фигурировал жадный муж, который, когда его горячо любимая жена заболела, не стал посылать за доктором, – хотя известно, что доктор Мюллер лечит всех, кто к нему обращается, и с ним можно договориться об отсрочке платы за услуги.

– Давайте-ка я попробую угадать, что случилось дальше, – не выдержала я. – Жена умерла, не так ли?

– А вот и не угадали! – воскликнул Юрис. – Она выжила, но ее разбил паралич, и теперь она не может говорить и двигаться. Впрочем, местные верят, что это с ней случилось не из-за болезни, а оттого, что она увидела Белую даму.

– Кого? – с удивлением спросила я.

– Не вертите, не вертите, – говорил Юрис, – голову чуть ниже! Левее! Вот! Замрите, я снимаю... Белая дама – это местная легенда. Когда в эти края пришли немецкие крестоносцы, они захотели построить возле озера замок, но всякий раз, когда его начинали строить, поднимался страшный ветер, и ничего у них не выходило. Однако глава крестоносцев граф Рейтерн был умен и догадался, что ветер всегда прилетает с озера. Он пришел к озеру и спросил: озеро, чего тебе надобно? Почему ты не даешь нам построить замок? Тогда из озера вышла фея и сказала, что оно принадлежит ей, и все, что находится рядом – тоже ее, и она не хочет, чтобы рыцари строили тут свой замок. У нее есть упряжка с четырьмя конями, это четыре ветра, северный, южный, западный и восточный, и она будет выпускать их, чтобы они разрушили рыцарский замок. Граф Рейтерн ответил, что ему не хочется ее огорчать, но у него есть приказ строить замок, и он ничего не может с этим поделать. Если он не выстроит замок, ему отрубят голову. Тут фея посмотрела на него – а он, надо вам сказать, был хорош собой, как все герои легенд, – и сердце ее смягчилось. Она сказала, что выпустит своих коней – то есть четыре ветра, – но на этот раз они помогут строить замок. Только в награду за такую услугу граф должен на ней жениться.

Я слушала болтовню Юриса с улыбкой. Фотограф мне нравился: светлоглазый, светловолосый, плечистый, некрасивый, но с ямочкой на подбородке. На вид ему было лет 25, и он явно желал произвести на меня впечатление; но мне не хотелось выглядеть совсем уж легковойной.

– Если граф Рейтерн был крестоносцем, – заметила я, – то есть, судя по всему, рыцарем Тевтонского ордена, он ни на ком не мог жениться, потому что дал обет.

– Это всего лишь легенда, – отозвался Юрис, – хотя я согласен с вами: фее следовало сначала разобраться, может ли ее избранник жениться, и уже потом требовать свадьбы. Так или иначе замок был построен, и очень быстро, но на фее граф Рейтерн не женился. От горя она прокляла его и его потомков. Фея пожелала, чтобы они никогда не знали счастья в любви, а потом превратилась в привидение, ту самую Белую даму. Говорят, она всегда появляется перед тем, как в графской семье происходят какие-нибудь беды.

– Постойте, – сказала я, – так замок на самом деле существует?

– Ну разумеется. Замок Фирвинден, и владеет им молодой граф Рейтерн.

– Молодой? Значит, есть и старый граф?

– Был. Это отец нынешнего графа. Он умер лет пятнадцать назад. Хотите верьте, хотите нет, но перед его смертью в замке видели Белую даму. Графиня, его жена, была не слишком суеверна, но после смерти мужа она забрала сыновей и уехала жить в Кенигсберг.

– А почему именно туда? Это же в другой стране.

– Графиня родом из Кенигсберга, – ответил Юрис, и по его лукавому взгляду я поняла, что он собирается сообщить мне еще кое-что сногсшибательное. – Она была дочерью врача, когда старый граф с ней познакомился. Его первая жена была из Остен-Сакенов, но родила ему только одну дочь, а Фирвинден, между прочим, – майорат. Его нельзя продавать, только передать по наследству по мужской линии. Когда граф овдовел, он объявил о своей помолвке с Юлией Медем. Тоже хорошая курляндская фамилия, старинная, титулованная. Но семья Медемов отнеслась к идее родства с графом без особого энтузиазма – во-первых, он был в два раза старше невесты, а во-вторых, растратил значительную часть состояния и не мог с ними равняться. Кончилось все тем, что раздосадованный граф расторг помолвку и женился на барышне из Кенигсберга, о которой до того никто слыхом не слыхивал. Ей было восемнадцать, ему – сорок шесть...

Тут Юрис прервался и стал возиться с фотоаппаратом, заставив меня изнывать от любопытства.

– Это был несчастливый брак? – спросила я наконец.

– Почему? – искренне изумился мой собеседник. – Графиня, как я слышал, носила великолепные платья, и граф во всем ей потакал, особенно после того, как она родила ему двоих сыновей. Нет, это был вполне гармоничный брак.

Тут во мне разыгрался дух противоречия.

– Речь не о том, гармоничный это брак или нет, – довольно сухо промолвила я, – а о том, был ли он счастливым.

– Какая разница? – пожал плечами фотограф. – Граф уже умер, его жена далеко, и если она действительно боится замка, вряд ли мы когда-нибудь ее увидим. – Он поглядел на меня, на декоративный красный занавес за моей спиной, на фоне которого наверняка снимались все зажиточные жители Шёнберга, и с надеждой спросил: – Может быть, сделаем еще одну фотографию?

Глава 4

Легенды старинного замка

История, которую я услышала от фотографа, взбудоражила мое воображение. С детства я любила читать, и все же книги, действие которых происходило в замках, напичканных привидениями, попадались мне нечасто. Тем легче было счесть авторской фантазией все, о чем в них говорилось, – и тут я сама оказываюсь недалеко от одного такого замка, да еще с привидением, которое явилось прямым из легенды. Само собой, я не сумела удержаться и при первом же удобном случае подступилась с расспросами к всезнающей Эвелине.

– Да, я слышала об этом замке, – подтвердила она. – Господин Блуменау – это прежний управляющий – был нами недоволен, он считал, что письма долго лежат на почте, и постоянно куда-то жаловался. Из-за его жалоб у Джона были неприятности. Его должны были еще в прошлом году перевести во Фридрихштадт, но в результате мы застряли здесь.

– А почему вы назвали господина Блуменау прежним управляющим? – спросила я. – С ним что-то случилось?

– Случилось, он простудился в январе и умер, – равнодушно ответила Эвелина. Разговаривая со мной, она одновременно шила шапочку для младшего сына, чрезвычайно ловко орудуя иглой. – Сейчас, я слышала, приехал новый управляющий, Крейцер... нет, Креслер. Но он, кажется, гораздо моложе и не такой придира, как прежний.

Она перекусила нитку и попросила меня подать ей катушку. Я выполнила ее просьбу.

– А призрак Белой дамы действительно существует? – не утерпела я.

– М-м, – неопределенно отозвалась Эвелина, выворачивая шапочку и любуясь ею. – Про этот замок вообще ходят разные слухи. Но я бы не стала верить всему, что рассказывают глупые крестьяне, – заключила она.

Эвелина была из ливов. Я даже не знала о том, что такой народ существует, но Эвелина объяснила мне, что ливы когда-то занимали почти всю Курляндию и что именно по названию их племени эти края когда-то именовали Ливонией. Если верить Эвелине, ливы были отчаянно храбрыми людьми со склонностью к авантюрам, пиратами и рыбаками, и они сражались за свою землю с немецкими рыцарями до последнего – что, впрочем, не уберегло маленький мужественный народ от поражения. Сейчас, вздыхала Эвелина, ливов осталось очень мало – всего несколько тысяч человек. В силу своего происхождения она привыкла смотреть свысока на представителей более многочисленных соседских народов и не жаловала ни немецких помещиков, ни латышских крестьян. Первые были для нее потомками завоевателей, которые некогда пришли в Ливонию незванными гостями, а вторые – теми, кто вытеснил ливов и захватил их земли.

– А что именно рассказывают о замке? – спросила я.

– Ну, про Белую даму ты уже знаешь, – протянула Эвелина. – А еще много чего говорят о покойной графине Рейтерн и ее псе.

– Разве она умерла? – изумилась я.

– Нет, это не нынешняя графиня. Та, о которой речь, жила много лет назад, и она была католичкой. Она заставила мужа обратиться в католичество, а потом он захотел, чтобы все его вассалы тоже стали католиками. Графиня позвала иезуитских священников, и они стали обращать народ. Еще начались всякие притеснения и поборы... Кончилось все тем, что как-

то раз графиня, ее муж и разные важные господа поехали на охоту. Граф и его спутники увлеклись процессом, а когда затравили зверя, внезапно поняли, что графини среди них нет. Стали искать ее и нашли на поляне, мертвую. Неподалеку бродила лошадь графини, а возле тела стоял ее любимый черный пес и выл не переставая. — Рассказывая, Эвелина драматически понизила голос и широко распахнула глаза, чтобы усилить впечатление. — Сначала думали, что лошадь понесла, сбросила графиню и та умерла от падения, но граф не поверил. Он знал, что его жена отлично ездила верхом и никогда не падала. Он вызвал лучших докторов, каких только мог найти. Те осмотрели тело и сказали, что графине проломили голову.

Тут Эвелина отвлеклась на вдевание очередной нитки в иголку.

— То есть ее убили? — тихо спросила я.

— Да. Граф решил найти убийцу, он верил, что пес, который был с графиней, может узнать преступника. Но на следующую ночь псу перерезали горло. Тогда граф велел через глашатаев объявить, что даст убийце графини день, чтобы тот явился по доброй воле. Его четвертуют, и больше никто не пострадает. Само собой, никто не пришел и не повинился. Окрестные жители были рады, что графиня умерла, им казалось, что с ее смертью их оставят в покое. И так как граф не мог выяснить, кто именно убил его жену, он решил убить всех, кто мог желать ей зла.

— О! — вырвалось у меня. — Какая-то очень уж мрачная легенда...

— Это вовсе не легенда, — отрезала Эвелина, сверкнув глазами. — Люди графа сожгли и разорили несколько деревень и убили всех, кто не успел убежать. Граф велел обрядить тело жены в лучшее ее платье и усадить на кресло во дворе замка, а мертвого пса положить с ней рядом. И всех убитых его люди привозили в тот двор и складывали к ногам мертвой графини, и уже на следующий день во двор нельзя было въехать — столько там было трупов мужчин, женщин и детей. Священники были в ужасе, но не могли ничего поделать с графом, потому что он словно обезумел. Наконец его убедили, что убийца наверняка уже поплатился жизнью и лежит среди трупов, и граф приказал прекратить резню. Кое-кто говорит, — задумчиво прибавила Эвелина, — что он потом выстроил костел в Шёнберге, чтобы замолить грех кровопролития, а другие говорят, что он никакого отношения к костелу не имел. А еще говорят, что убитая графиня до сих пор иногда показывается в замке в сопровождении своего пса, и если пес завоюет, значит, быть большой беде.

— А что все-таки стало с убийцей графини? Удалось выяснить, кто это был?

— Нет, — покачала головой Эвелина. — Но, конечно, ее убил кто-то из тех, кого она притесняла.

— А Юрис... фотограф мне ничего про нее не говорил.

— Может, просто забыл? Да и призрак графини давно не появлялся — гораздо дольше, чем Белая дама. М-м... Что еще рассказать тебе о замке? Ну, еще судачат, что где-то в нем спрятан клад. Но я достаточно поездила по Курляндии с Джоном и скажу тебе так: о каждом курляндском замке непременно рассказывают, что в нем есть клад. Только вот почему-то никто этих кладов никогда не находил... должно быть, они все сплошь заколдованные и их охраняют призраки, — закончила она, весело блеснув глазами.

Тут прибежали двое ее старших детей, которые играли на улице, и стали требовать, чтобы она рассудила какой-то их спор. Эвелина напустила на себя строгий вид и стала задавать точные вопросы, которые помогут ей выявить истину. Я поймала себя на мысли, что женой почтмейстера можно любоваться всегда, чем бы она ни занималась — будь то дети,

вышивание или готовка. Она была образцовой хозяйкой, у нее в руках все кипело и все спорилось. Дети обожали ее и слушались беспрекословно, с мужем она жила душа в душу. Я подумала, что испокон веков писатели пытаются выдумать идеальную героиню, и у них получается то нежизнеспособная барышня, созданная для того, чтобы ее вечно спасал главный герой, то романтическая лентяйка, не знающая особых хлопот. На самом деле, конечно, идеальной героиней должна была стать Эвелина и ей подобные, но вот беда – ведь о ней никогда никто не напишет, а если и напишет, кто захочет читать о том, что кажется совсем обыкновенным – о жизни жены почтмейстера в ничем не примечательном курляндском местечке?

Через несколько дней я зашла к Юрису узнать, готовы ли карточки, и в приемной фотографа столкнулась с довольно занятым молодым человеком. Он был высокий, русоволосый, чисто выбритый, с длинными руками и ногами. Глаза у него искрились озорством, и вообще он производил впечатление человека смешливого и открытого, что, однако же, не очень вязалось с его облачением католического священника. От Эвелины слышала, что ксендз местного костела враждует с местным же пастором, и воображение сразу же услужливо нарисовало мне двух престарелых фанатиков, которые отводят душу во взаимной ненависти. Пастора Тромберга я, кстати сказать, как-то видела возле почты. Невысокого роста, он казался выше из-за того, что был тощ, как спичка, и нес с собой зонтик, хотя на небе не было видно ни облачка. Лицо худое, изрезанное морщинами, губы плотно сжаты – в общем, если и не фанатик, то в любом случае не слишком приятная личность. Не стану скрывать, я воззрилась на странного ксендза с любопытством, и тут, представьте себе, он меня передразнил: повернул голову и с точно таким же преувеличенным любопытством уставился на меня. Я почувствовала, что краснею, но меня спасло появление Юриса, который вышел в приемную.

– Ах! – воскликнул он, потирая руки, на которых кое-где были видны пятна от каких-то химических реактивов, – вы уже знакомы? Нет? Это мадемуазель Ланина, ее отец – помощник нашего Серафима. Ксендз Бернацкий, Августин Каэтанович... кхм!

– Оставьте серафимов в покое, несчастный еретик, – объявил странный ксендз, улыбаясь во весь рот, – и покайтесь в грехах, пока не поздно. – Он повернулся ко мне. – Очень рад с вами познакомиться. А то я ломал себе голову, что это за незнакомая барышня бродит возле собора, смущая моих учеников.

– Он преподает в католической школе, – счел нужным объяснить Юрис. – Будьте с ним осторожны, Анастасия Михайловна: он очень серьезно относится к своим обязанностям и до ужаса любит обращать в свою веру. За полтора года, которые я с ним знаком, он обратил аж двух с половиной человек.

– Э... а почему с половиной? – озадаченно спросила я. Юрис расхохотался, но тут же поторопился принять серьезный вид.

– Потому что обращенный имел наглость обратиться обратно, – пояснил он, – как только отец дал понять, что лишит его наследства. Из этого можно сделать вывод, что люди больше склонны верить в деньги, чем в спасение души, но я, пожалуй, все же воздержусь.

– И правильно, – спокойно ответил Августин Каэтанович. – Не стоит мерить всех одной меркой.

Тут Юрис спохватился, что я, должно быть, пришла за фотографиями, и пригласил меня войти.

– Сейчас я принесу ваши карточки... Айн момент!

Он отправился за фотографиями, а я подошла к окну. Солнце светило так ярко, что становилось больно глазам. Я отвернулась от окна и словно увидела другое ателье, не такое, каким оно предстало передо мной всего несколько минут назад. Все вещи словно как-то поблекли, и стало заметно, что с отороченного бахромой красного занавеса, на фоне которого позировали клиенты фотографа, давно не стряхивали пыль. Кресло, скамья, которую ставили, когда делали групповые снимки, невысокая декоративная колонна с книгой на ней – когда я позировала, я сидела в кресле, а потом стояла возле колонны, положив руку на раскрытую книгу. И тут меня ужалила тоска. Это ателье было словно сгустком провинциальности, ее апофеозом: пыльный занавес, обшарпанное кресло, фальшивая колонна, а ведь именно здесь делали самые торжественные, парадные фотографии, которые рассчитывали потом передать детям и внукам, и все это словно олицетворяло узость, затхлость и мелочность провинциального бытия. Казалось почти невозможным, что где-то есть и другая жизнь, с театрами, нарядными бульварами, большими магазинами и всеми обольщениями большого города. Уж не поэтому ли моя мать ушла от отца, мелькнуло у меня в голове, что она тоже чувствовала себя попавшей в капкан провинциальных городков и местечек, из которых не выберешься и которые способны затягивать похлеще, чем трясина. Но тут мне стало стыдно себя самой, своих никчемных мыслей. К тому же Юрис уже вернулся и протягивал мне небольшой пакет.

– Вот... Здесь все.

Я отдала ему пять рублей, полученные от тетки, он отсчитал мне сдачу, и я вышла наружу, чувствуя, что мне надо глотнуть свежего воздуха. Глупо, сказала я себе, глупо было тратить подарок тетки на фотографии; и зачем вообще я их сделала? Чтобы послать карточку брату или матери – тем, кто предпочел бросить нас с отцом, как ненужную вещь?

Кажется, я была готова расплакаться прямо посреди улицы, но в это мгновение я заметила, что ксендз не ушел. Он стоял на крыльце и с видом Васко да Гамы, который прикидывает глубину Индийского океана, прежде чем пуститься вплавь, рассматривал невысохшую до конца лужу у своих ног.

– Вам понравились фотографии? – спросил Августин Каэтанович, бросив на меня быстрый взгляд. – Даже если нет, не советую говорить этого Юрису. Когда он слышит, что его фотографии кому-то не понравились, он обижается... просто ужасно обижается.

– Вы его хорошо знаете? – спросила я, просто чтобы поддержать разговор.

– Я тут знаю всех, – ответил мой собеседник, вздергивая плечи, как если бы его удивил мой вопрос. – В Шёнберге простая жизнь, и если вы простой человек, вы к ней привыкнете. Но если вы чуть-чуть сложнее устроены, начинаются проблемы.

Августин Каэтанович говорил по-русски не так гладко, как я тут передаю – он то и дело останавливался, подбирая нужное слово, и порой употреблял польские выражения, переделанные, так сказать, на русский лад. Ударения он тоже нередко ставил на польский манер – на предпоследний слог.

– У Юриса, – продолжал ксендз, – есть богатый дядя, который живет в Либаве. У дяди долгое время не было детей. Он забрал к себе Юриса и воспитывал его, тратил на него много денег и даже собирался определить его в университет. Все было прекрасно, а потом тетя Юриса на пятом десятке родила близнецов. И тогда Юрису пришлось вернуться в Шёнберг. Впрочем, дядя не забыл о нем и время от времени высыласт ему что-то. После своего возвращения Юрис стал много пить, и только мне удалось отговорить его от этой пагубной привычки. Но он до сих пор очень раним, очень обидчив, и если он слышит, что кому-то не

нравятся его фото, его опять тянет к бутылке.

– С чего вы взяли, что мне не понравились его фото? – уже с досадой спросила я.

– Просто у вас было такое лицо, когда вы вышли от него... Конечно, вы скажете, что это не мое дело, и будете правы. Но поверьте, ни одно фото на свете не стоит того, чтобы испортить жизнь человеку.

Теперь Августин Каэтанович вовсе не казался таким открытым и смешливым, как несколько минут назад, и даже выражение глаз у него изменилось. Вообще я не могла решить, нравится ли он мне или нет. Иногда бывает так, что читаешь книгу и натыкаешься на какого-нибудь персонажа, который словно попал сюда из совершенно иной истории. Продолжаешь читать книгу и чем дальше, тем больше убеждаешься, что ты прав, и тот персонаж попал в книгу по ошибке, а в каком-нибудь другом сюжете он бы оказался вполне к месту. Так вот, мой новый знакомый казался мне кем-то вроде такого персонажа. Было в нем что-то неумолимо светское, что плохо вязалось с его саном, даже когда он говорил почти наставительным тоном, как сейчас.

– Если я пообещаю не портить жизнь Юрису Ансовичу, – наконец сказала я, – вы ответите на один мой вопрос?

Августин Каэтанович удивился, но осторожно заметил, что если это в его силах и вообще...

– Раз уж вы тут все обо всех знаете, – продолжала я, – то скажите мне вот что. Во всех этих легендах, которые связаны с замком Фирвинден, есть хотя бы крупинка истины?

– Ах, вот вы о чем! – протянул мой собеседник и засмеялся. – Нет, конечно. Это всего лишь легенды, понимаете?

– То есть графиню Рейтерн никто не убивал, и ее пса, который мог узнать убийцу – тоже? – спросила я.

– Должен признаться, я не слишком хорошо знаю историю рода Рейтерн, – ответил ксендз, с любопытством всматриваясь в меня. – В нашей церкви хранятся самые разные бумаги, и недавно я закончил их изучать. Нигде не встречается упоминаний об убийстве или чем-то подобном. С другой стороны, церковь ведь была выстроена уже после того, как графиня, по легенде, была убита. Полагаю, ответ на ваш вопрос можно найти в архивах семьи Рейтерн, но это фамильные бумаги, и надо просить разрешения у нынешней госпожи графини или ее сыновей, чтобы с ними ознакомиться.

– Спасибо, – вполне искренне сказала я. – Я так и думала, что эта мрачная легенда – выдумка, и что никакой Белой дамы тоже не существует.

Мы обменялись еще несколькими незначительными фразами, после чего я отправилась к себе, а Августин Каэтанович зашагал к костелу, возле которого стоял небольшой домик, в котором он жил.

Глава 5

Шестого разряда, низшего оклада

Все было ужасно, и все никуда не годилось.

Прическа растрепанная – ну кто же делает такую прическу перед тем, как идти фотографироваться? И еще этот бантик, приколотый к волосам! Зачем? Что на меня нашло?

Но хуже всего была одежда. Блузка – слишком простая. Юбка – полосатая, на светлых полосах мелкие цветочки, и все вместе словно кричит: «Мы давно вышли из моды! Мы выглядим некрасиво, бедно, убого... Но раз ты пожелала запечатлеть нас навсегда – что же, любуйся!»

В комнату заглянула Эвелина, чтобы звать меня к ужину – и, как назло, ей на глаза сразу же попались карточки, лежащие на столе.

– Надо же, какие фотографии! – немедленно восхитилась жена почтмейстера. – Это ведь Юрис, да? Я всегда ему говорю, что в приличном городе он бы сделал состояние! Он очень хороший фотограф, к нему со всей округи люди ездят...

Я возмущенно воззрилась на нее, но Эвелина говорила совершенно искренне и, казалось, не имела намерения посмеяться над моим горем.

– Но... – только и могла пробормотать я, – но бантик...

На большее у меня не хватило сил.

– А что бантик? – пожала плечами Эвелина. – Бантик на своем месте. Тебе он очень идет!

Тут я подумала, что большеглазая темноволосая барышня на карточке не совсем безнадежна и, пожалуй, если не обращать внимания на одежду... и на растрепанные волосы... Все это я довольно неумело изложила Эвелине.

– Где растрепанные? – возмутилась она. – Хватит выдумывать... Иди лучше есть, в самом деле!

Но я заметила, что она не упомянула ни о юбке, ни о блузке, и укрепила в своем мнении, что они немногочего стоят. Эвелина придерживалась своеобразного кодекса честности – если ей что-то нравилось, она не скупилась на похвалы, а если не нравилось, она предпочитала обойти этот момент молчанием. Я догадалась, что она щадит мое самолюбие, и была ей за это очень благодарна.

На другой день я отправилась в поход по лавкам и заодно заглянула к местным портным, чтобы прицениться к их услугам. Но когда я вечером завела с отцом разговор о том, что мне требуется новая одежда, я услышала, что пока мы не можем себе этого позволить.

Этот разговор произвел на меня неприятное впечатление, потому что я точно знала, что незадолго до того мой отец получил первое жалованье, и его должно было хватить на все насущные нужды. Утром отец ушел на почту, а я бесцельно слонялась из угла в угол. Косо висящая на петлях дверь закрипела – вошла Эвелина (она обычно входила без стука, но почему-то никогда не появлялась не вовремя или некстати).

– Я слышала твой вчерашний разговор с отцом, – проговорила Эвелина без всяких предисловий. – Это, конечно, меня не касается, но мне кажется, он все же должен был тебе сказать.

– Что сказать? – мрачно спросила я. (В романах после слов вроде тех, которые только

что произнесла Эвелина, обычно начинаются самые скверные разоблачения.)

– Что он послал половину своего жалованья в Иллукст. Мне Джон сообщил – он всегда проверяет денежные пакеты перед отправкой почты.

Я остолбенела. Половину в Иллукст – это могло значить только одно.

– Но ведь...

Я остановилась. По справедливости, надо было продолжить: но ведь это глупо, глупо, глупо! Колесников богат, моя мать ни в чем не нуждается (она сама много раз это говорила). Однако мой отец решил таким образом напоминать о себе и щедро посылать половину своего жалованья, потому что рассчитывал исподволь смягчить ее сердце.

...А нам придется жить на вторую половину жалованья помощника начальника почтового отделения, и это значит, что я не смогу позволить себе новую одежду – по крайней мере, в ближайшем будущем.

– Все плохо? – проницательно спросила Эвелина.

– Нет, – отозвалась я. – Впрочем, неважно. У меня есть три блузки и две юбки. Как-нибудь проживу.

Эвелина шмыгнула носом (что означало, что она только что приняла нелегкое решение).

– Я могу поговорить с Джоном, – неожиданно промолвила она.

– О чем? У него все равно нет права задерживать пакет. И вообще, это бессмысленно.

– Ярмарки, – совершенно нелогично на первый взгляд ответила Эвелина. – В апреле начались ярмарки, понимаешь? Много писем, много денежных пакетов, много всего. Крумин не справляется, даже если Джон отправляет кого-то ему на помощь. На почте нужен еще один человек, и Джон уже третий год пишет об этом бумаге начальству. Если сейчас он их уломят, а дело как раз к тому и идет, у нас будет свободная вакансия.

Я начала понимать.

– И вы... И Джон Иванович согласится меня взять на это место?

– Ну да, а почему нет? Будешь работать на почте, Джон тебе все объяснит, твой отец рядом, он тоже поможет. Крумин, Лихотинский и Гофман – приличные люди, иначе Джон бы их не держал. Конечно, почтовые чиновники получают не как управляющие у Корфа или Рейтерна, но это все же свои деньги, которые можно тратить на себя как захочешь.

Эвелина предложила выход из положения, который единственный чего-то стоил, потому что мне наскучило сидеть дома или бродить по Шёнбергу, а ссора с отцом из-за денег была бы бесполезной и только бы все ухудшила. В конце концов, он имел право распоряжаться своим жалованьем так, как считает нужным, а я – если я буду получать хотя бы 20 рублей в месяц, этого вполне хватит на мои скромные нужды.

Я засыпала жену почтмейстера словами благодарности, и она пообещала поговорить обо мне с Джоном Ивановичем. Вечером, когда отец вернулся с работы, он протянул мне письмо, и я узнала почерк матери.

– Она написала мне? – вырвалось у меня. – А... ты от нее что-нибудь получил?

Отец потемнел лицом и отошел к окну, словно его интересовал вид за окном.

– Да. Она прислала мне открытку.

– Ты послал ей деньги, – не удержалась я. – Зачем?

– Затем, – ответил отец обманчиво ровным тоном, призванным скрыть настоящую степень его гнева, – что я не желаю, чтобы мой сын был хоть чем-то обязан этому... этому! Саша должен знать, что у него есть отец, который заботится о нем. И я не желаю это больше обсуждать.

Мне стало стыдно: он так переживал, а я своими словами доказывала, что осуждаю его. В то же время было что-то, что мешало мне считать, что он поступает правильно; и поверьте, я думала бы точно так же, даже если бы не полагала, что мне нужна новая одежда.

– Расскажешь, что она тебе пишет? – попросил отец после паузы.

Я вскрыла письмо; конверт разорвался с каким-то неприятным хрустом, и я ежусь даже сейчас, когда вспоминаю этот звук. Ровно две страницы, заполненные аккуратным почерком, не слишком крупным и не слишком мелким. Я до сих пор не постигаю, как можно было написать так много – и так мало. Это было самое пустое послание, которое я получала в своей жизни, и написано оно было, очевидно, в расчете на то, что отец не устоит перед соблазном и вскрыет конверт, потому что любые упоминания о Колесникове и совместной жизни с ним отсутствовали. По некоторым фразам можно было подумать, что пишет своей бедной знакомой богатая дама, скучающая на водах. Мать рассказывала о визите к портнихе, настоящей француженке, которая заломила за платье несусветную цену, о том, что Сашу решено определить в гимназию, и о каких-то знакомых женского пола, которые не слишком ее жалуют. Недавно я получила письмо от тетки, с которой, как известно читателю, встречалась всего раз в жизни, так вот, оно было в сто раз сердечнее и в тысячу раз непосредственнее. Но тут я увидела лицо отца, то, как он кусает губы, и протянула ему листок.

– Читай... Я даже не знаю, что можно об этом сказать.

Отец поглядел на меня с благодарностью и выхватил у меня письмо. Он прочитал его два раза, задерживаясь на некоторых фразах.

– Мне кажется, ей с ним плохо, – промолвил он наконец, возвращая мне листок.

«А мне кажется, что она абсолютно счастлива без нас», – должна была ответить я, и это было бы сущей правдой. Но общение с мудрой Эвелиной научило меня, что в жизни случаются моменты, когда лучше промолчать, чем навредить самой истинной истиной на свете, и я ничего не сказала.

– Люди пишут о пустяках, – продолжал отец, – когда у них нет желания писать о главном. – Он покачал головой. – Триста пятьдесят рублей за платье, ну надо же! По-твоему, такое возможно?

Я могла бы сказать ему, что очень даже возможно и что нас променяли – в том числе – на это платье, сшитое знаменитой Амели Дюпен де Сент-Андре. Но внезапно меня охватило странное ощущение: мне просто-напросто надоело терзаться. Нет ничего утомительнее, чем изводить себя из-за людей, которые все равно никогда этого не оценят.

– Джон Иванович еще не получил ответа по поводу новой вакансии? Ну, в конторе?

– Нет, – ответил отец, явно удивленный неожиданной переменой темы, – а что?

– Эвелина думает, что если нам выделяют еще одну вакансию, я могу ее занять.

Мой отец был передовым человеком и в принципе добрял желание женщин самим зарабатывать себе на жизнь; но то, что я собиралась стать почтовой служащей, его все же озадачило.

– Ты? Пойдешь работать на почту?

– Почему нет? Ведь женщины могут там работать...

– Да, но ты не справишься! Половина здешнего населения не говорит по-русски, а ты не знаешь ни немецкого, ни латышского. Ты просто не сможешь с ними объясниться.

– Там будут Гофман и Крумин, – напомнила я. – Думаю, они помогут мне с переводом, если потребуется. И потом, я вовсе не сказала, что не хочу учиться.

Отец поглядел на меня и покачал головой.

– Не знаю, что у тебя в голове, – проворчал он, – но если ты думаешь, что работа поможет тебе найти жениха, ты заблуждаешься.

– Ну знаешь ли! – возмутилась я. – При чем тут жених? Я просто... просто не могу сидеть в четырех стенах! Вся домашняя работа на Эвелине, а я не знаю, что мне делать. Я уже сто раз прочитала свои книги и выучила их наизусть, еще немного – и я их возненавижу, а ведь это очень хорошие книги! Джону Ивановичу как начальнику почты присылают «Курляндские губернские ведомости», и я уже прочитала все номера, которые сохранились в доме. Ты знаешь, что в Либаве ходит электрический трамвай? Трамвай! А моя жизнь проходит тут, пока другим везет, и они могут ездить на трамвае!

– Но ведь в этом нет никакого счастья, – ответил мой отец, которого слегка утомил наш спор. – Трамвай, автомобиль и даже дирижабль... они ничего не меняют в самом человеке.

– У меня чулки сношены, – выпалила я, – и даже если зима будет теплой, мне нужно новое пальто. Избавь меня от разговоров о счастье и несчастье, я просто хочу, чтобы у меня было пальто, и чулки, и красивое платье!

Отец хотел что-то сказать, но я решила поставить в нашем разговоре точку и вышла, хлопнув дверью – настолько, насколько вообще можно это проделать с дверью, которая не закрывается до конца.

Через несколько недель, в конце мая, Джон Иванович Серафим принял меня на работу почтовой служащей «шестого разряда, низшего оклада». Мне казалось, что я вступаю в новую жизнь, и я почти забыла о замке, который совсем недавно занимал мои мысли; но в действительности замок никуда не делся, он терпеливо ждал своего часа, чтобы стать частью моей судьбы, и работа, которую я получила, только должна была приблизить этот час.

Глава 6

Ружка

Я быстро освоилась на почте, хотя мое появление в числе служащих озадачило некоторых из местных жителей. Они привыкли иметь дело исключительно с мужчинами, и в начале моей работы мне несколько раз пришлось столкнуться с тем, что люди, которые пришли отправить письмо или денежный пакет, просили, чтобы ими занимался только Нил Федорович Крумин. Хотя в Шёнберге, при всей его захолустности, уже имелись телеграф и даже телефон, с техническими новинками все же проще смириться, чем с чем-то, что идет вразрез с вашими представлениями, пусть даже самыми пустячными. Но мне повезло: при малейшем намеке на какую-то неприятную ситуацию я всегда ощущала поддержку Джона Ивановича, отца и остальных служащих. Кроме того, я использовала любую возможность набраться знаний и усердно практиковалась в немецком, который вскоре стала более или менее хорошо понимать. Не прошло и месяца, как большинство обитателей Шёнберга привыкло к моему присутствию на почте, и даже больше того – насмешливый Гофман утверждал, что никогда еще наше отделение не пользовалось таким успехом. Еще немного, говорил он, весело блестя глазами, и мы сделаемся даже популярнее, чем трактир папаши Мозеса и казенная винная лавка.

– Ну что за глупости вы говорите при барышне, Карл Людвигович, – ворчал Лихотинский. – Нехорошо, ей-богу, нехорошо! Разумеется, наше отделение куда интересней, чем какой-то там трактир. Лично я совершенно в этом не сомневаюсь!

Доминик Адамович Лихотинский был наполовину поляк и внешне производил впечатление этакого сухаря – строгого не улыбочивого господина из тех, которые кажутся столь скучными в жизни и столь незаменимыми на работе, требующей пунктуальности и аккуратности. На самом деле он обладал отменным чувством юмора, которое выражалось не только в словах, но и в интонации, и в выражении лица, и его пикировки с маленьким язвительным Гофманом порой выглядели уморительнее любого выступления дуэта комиков.

– Да что в нашем отделении хорошего, скажите на милость? – насккивал Гофман на коллегу.

Гофман служил телеграфистом, и хотя в почтовом ведомстве телеграфисты стоят особняком, на их доходах это никак не отражается. Худой, остролицый, с большим ртом, он телосложением походил на подростка, но глаза у него были умные и ироничные, и многие побаивались его острого языка.

В ответ на замечание Гофмана Лихотинский закатывал глаза и, величественно обводя рукой все, что нас окружало – пожелтевшие почтовые правила на стене, эмблему нашего ведомства, конторки служащих, газеты, телеграфный аппарат и прочее – важно изрекал:

– Культура, милостивый государь, культура!

– Ничего не имею против культуры, – хмыкал Гофман, – но когда я вижу, как часто к нам является фотограф... или как сын местного арендатора каждый день приходит на почту...

– Карл Людвигович!

– Нет уж, дайте мне закончить! Когда я вижу, как этот Янис всякий раз покупает у Анастасии Михайловны копеечную марку, всячески затягивая свои визиты, в мою душу закрадываются подозрения!

Я почувствовала, что краснею, а Нил Федорович Крумин, который сгорбился за конторкой и заполнял какие-то бумаги, поднял голову и послал телеграфисту предостерегающий взгляд. Крумин был человеком основательным, серьезным и малочувствительным к юмору. Он редко участвовал в шуточных перепалках Лихотинского и Гофмана, а если и ввязывался в них, то неизменно терпел поражение.

– Господа, ну что вы, ей-богу... Я очень хорошо знаю Яниса и его семью. Не стоит приписывать ему намерения, которые... которых нет.

– Ну раз вы его знаете, может, объясните, зачем ему столько марок? – спросил Лихотинский. – Я же сортирую почту и отлично знаю, что вся его семья за год посылает, дай бог, пять писем...

Гофман привстал и вытянул шею, вглядываясь в окно.

– Вот он опять приехал, кстати, – торжествующе объявил он. – Держу пари, ему опять позарез понадобилась копеечная марка... правда, не знаю для чего.

– Держите себя в руках, Карл Людвигович, – кисло попросил Крумин.

Лихотинский кашлянул и напустил на себя серьезный вид.

– Как насчет пари? – спросил у него Гофман.

– Да ну вас, Карл, – отмахнулся Лихотинский. – И так уже все известно заранее: он будет полчаса хлопать глазами, переступать с ноги на ногу, вытирать лоб платком, мямлить о погоде и в конце концов купит эту чертову марку.

Однако на этот раз сортировщик оказался прав только отчасти: марку Янис покупать не стал, а вытащил из-за пазухи свернувшегося калачиком котенка и протянул его мне.

– Вот... Для вас.

Я немного растерялась. Котенок был крошечный и теплый, но я совершенно не представляла, что с ним делать; кажется, у него только-только открылись глазки. Однако это был подарок, и не принять его значило бы обидеть молодого человека, который (как верно подметили мои сослуживцы) зачем-то взял привычку появляться на почте каждый день, – не считая, конечно, тех, когда отделение было закрыто.

Я поблагодарила Яниса, произнеся все банальности, которые принято говорить в таком случае, но в голове у меня все же вертелась неотвязная мысль – а не подаю ли я таким образом надежду этому симпатичному, но неотесанному юноше, не воспримет ли он мою вежливость как намек на нечто большее. К счастью, тут появились новые посетители – доктор Мюллер и господин лет 35, которого я видела впервые. Доктор отошел к Крумину, а незнакомец подошел ко мне.

– Здравствуйте, фрейлейн, мне нужно отправить заказные письма, – сказал он по-немецки, протягивая мне несколько конвертов. – Для меня не было телеграммы? – Должно быть, он уловил тень колебания на моем лице, потому что быстро добавил: – Я Креслер, Рудольф Креслер, управляющий графа Рейтерна.

Посетитель не слишком походил на управляющего. Те обычно солидные, уверенные в себе, гладкие господа, а этот выглядел до странности нервным, и, когда я взяла у него письма, он судорожно стиснул руки. Одно веко у него слегка подергивалось.

– Большая честь видеть вас, герр Креслер, – ответил за меня Гофман. – Нет, никаких телеграмм не было. А что с Теодором? Обычно ведь он привозил письма.

Теодор был слугой в замке Фирвинден – и, кроме того, тем самым человеком, о котором Юрис рассказывал, что его жена увидела привидение Белой дамы и тяжело заболела. Толки о том, случилась ли болезнь до или после того, как бедная женщина увидела привидение,

весьма занимали окрестных жителей, но большинство склонялось к версии, что именно Белая дама навлекла на нее несчастье.

– Теодор болен, – коротко ответил управляющий. – А наш дворецкий утром упал с лестницы и умер.

– О! – только и мог сказать Гофман.

Креслер дождался, когда я заполню все необходимые бумаги и зарегистрирую письма, расплатился и удалился странной, подпрыгивающей походкой.

– Что вы об этом скажете, доктор? – не удержался Лихотинский. – Вы ведь наверняка там были.

Мюллер сердито засопел.

– Я скажу, – сухо промолвил он, – что дворецкому было уже восемьдесят лет, хотя он выглядел в лучшем случае на семьдесят. Апоплексический удар, мгновенная смерть. С лестницы он упал, потому что шел по ней в момент удара. Но досужие сплетники, – он засопел еще выразительнее, – конечно, будут говорить, что над замком тяготеет проклятие, и приплетут сюда привидения или еще какую-нибудь антинаучную чепуху.

Слово «unsinn» ^[6] он произнес с особым раздражением, после чего попрощался, забрал свою трость и удалился. Тут я спохватилась, что котенок ползает по моему столу и пытается вскарабкаться на заказные письма, и отдала их Лихотинскому.

Янис (надеюсь, вы еще не забыли о нем, потому что он никуда не делся) вздохнул и хотел что-то сказать, но пока он подбирал слова, на почте появилось новое лицо. Это была невероятно красивая молодая еврейка с тяжелыми золотыми серьгами в ушах, еще одна героиня местных пересудов – вторая жена лавочника Левенштейна, та самая, которая методично выживала из дома его детей от первого брака и ссорила их с отцом. Она не шла, а словно скользила, и держала себя отстраненно и холодно, словно твердо знала себе цену и была намерена заставить весь свет заплатить ее. Юрис рассказывал про нее, что до своего замужества она была крайне бедна и вместе с матерью жила чуть ли не в хибаре, перебиваясь случайными заработками, но моего воображения не хватало представить ее голоногой оборванкой в лохмотьях. Она была из тех людей, которым к лицу самые дорогие, самые вычурные украшения, ткани и меха, и я ничуть не удивилась, что Левенштейн, о котором говорили, что он черта надует так, что тот еще останется ему должен, потерял от нее голову. Ее появление всегда производило на меня странное впечатление: я видела перед собой героиню какой-то пронзительной оперы, которая лишь по недоразумению оказалась не на подмостках, а в реальной жизни. Надо сказать, что мои коллеги, которые знали все обо всех в округе, смотрели на посетительницу совсем иначе. Крумин и Гофман, не стовариваясь, характеризовали ее емким русским словом «пройда», в то время как Лихотинский предпочитал польское «курва», но, как человек воспитанный, тут же добавлял: «А впрочем, меня это не касается. Хотя запомните мои слова: ее муженьку здорово повезет, если однажды ночью она не удавит его подушкой».

Посетительница скользнула взглядом по Янису, едва заметно усмехнулась и повернулась ко мне.

– Что вам угодно? – произнесла я.

– Дайте мне открытку. И марку.

– А какую именно открытку, сударыня? – спросила я, сбита с толку. Не сказать, чтобы у нас продавалось много открыток, но выбор все же был.

– Что-нибудь покрасивее, – равнодушно ответила моя собеседница.

Я выбрала ей пеструю поздравительную открытку, на которой были нарисованы цветы и птицы.

– Такая подойдет? – осведомилась я, показывая ей, что именно я выбрала.

– Да, очень хорошо.

Дверь хлопнула, в отделение почты вбежал молодой человек без шляпы и стал что-то горячо втолковывать моей собеседнице на идише. Она даже не стала отмахиваться от него, как от мухи – по ее поведению можно было подумать, что его вообще здесь нет. Гофман и Лихотинский переглянулись. Я знала, что молодой человек – последний из детей Левенштейна, которого она еще не рассорила с отцом, но, судя по его интонациям и выражению лица, он тоже проиграл ей. Нет, она вовсе не была злой мачехой из старинных сказок; пасынки и падчерицы мешали ей, потому что она хотела забрать торговлю мужа в свои руки, а после яростной ссоры с очередным отпрыском старик к тому же вычеркивал его из завещания, и доля будущей вдовы увеличивалась.

Посетительница расплатилась за открытку и марку, но, когда я брала деньги с прилавка, она неожиданно придержала меня за запястье и, наклонившись ко мне, так что золотые серьги в ее ушах закачались, шепнула:

– Эта лошадь – дохлая. Не ставь на нее.

Она блеснула глазами в сторону Яниса, показывая, что я правильно ее поняла и она имела в виду именно его, усмехнулась и вышла, по-прежнему не обращая никакого внимания на растерянного пасынка, который пытался что-то ей сказать.

Мне было неловко и крайне неприятно. Я погладила котенка и попробовала расспросить Яниса, чем его кормить, но мой поклонник плохо говорил по-русски и отвечал невпопад. Вскоре настало время закрываться, Джон Иванович с ключами в сопровождении моего отца вышел из внутреннего помещения, и Янис ушел, несколько раз попрощавшись.

На следующий день его не было, и последующие три дня он тоже не приходил. Не утерпев, я спросила у коллег, не случилось ли с ним что-нибудь.

– Ага! – обрадовался Гофман. – Скучаете, Анастасия Михайловна? Ну признайтесь: скучаете! Тем более что фотограф тоже куда-то пропал...

– Юрис уехал в Либаву, – буркнул Курмин. – А Янис дома лежит.

О крестьянах обычно не говорят «лежит дома», да еще сейчас, когда в поле столько работы. Встревожившись, я спросила, что с Янисом такое.

– Его отец избил, – неохотно объяснил Крумин. – Два ребра ему сломал.

– За что? – только и могла вымолвить я.

– Отец хочет, чтобы Янис на дочке богатого мельника женился. А тот все на почту заворачивал. Ну, отец его и вразумил.

Я расстроилась. В моей семье никто никогда ни на кого не поднимал руку, и люди, которые бьют своих родных, казались мне существами из другого мира. И конечно, мне было неприятно сознавать, что все произошло из-за меня – хотя я не могла ни в чем себя упрекнуть.

– Какая дикость! – проговорила я в сердцах.

– Ну-ну, Анастасия Михайловна, не переживайте, – вмешался Лихотинский. – Янис парень крепкий, выздоровеет. Но здесь, конечно, мы его уже не увидим.

Янис и в самом деле выздоровел и в свой срок обвенчался с дочкой мельника, которую ему прочил отец. А у меня остался его подарок, за которым я ухаживала как могла. Боюсь, я была неважной хозяйкой, но когда котенок стал расти не по дням, а по часам, и на ушах у

него стали видны замечательные кисточки, даже я догадалась, что это вовсе не кошка, а рысь.

– Послушай, – сказал мне отец, – рысь не держат в доме... Сейчас она, конечно, маленькая, но ведь скоро она вырастет и будет величиной с собаку. И пришло же кому-то в голову дарить тебе такое!

Но я уже привязалась к моей питомице. В доме было несколько кошек, и рысь переняла от них некоторые повадки. Например, она любила устроиться на подоконнике и смотреть на улицу; она терлась головой о мою ногу, когда хотела привлечь внимание; она научилась ловить мышей и особенно крыс с таким азартом, что даже переплюнула кошек. Иногда рысь являлась со мной на почту и, пока я сидела за конторкой, лежала у моих ног, изумляя посетителей. Долгое время я никак не могла подобрать моей необычной спутнице имя: я перебрала все известные мне кошачьи клички, но они казались несерьезными, затем я взялась за героинь Дюма и других авторов, но имена, которые приходили мне на ум, рыси не шли. Несколько вариантов предложили сослуживцы, но они мне не понравились. Потом на почту как-то зашел Августин Каэтанович и в ходе беседы предложил имя Ружка. Почему-то именно оно в итоге и прижилось, хотя ксендз тоже сказал, что мне придется отпустить рысь в лес.

– Я не могу, – сказала я, – ее охотники убьют.

– Ну, сейчас охота на рысь запрещена, по-моему, – произнес Августин Каэтанович. – В нашей губернии на этот счет строгие законы.

– Ничего-то вы не знаете, – проворчала я, – местные охотничьи законы как раз разрешают убивать рысей круглый год, и других хищников тоже.

– Боюсь, вы правы, – со смешком ответил ксендз. – Я не охотник.

Он получил объемистый заказной пакет, за которым пришел, и удалился. Я поглядела на Ружку, которая лежала у моих ног, и погладила ее по голове.

– Никому я тебя не отдам! – шепнула я.

В те дни как раз закончилась одна из ярмарок, во время которых нам с сослуживцами приходилось работать больше обычного, и я предвкушала, что вскоре нам станет немного легче. Не тут-то было: в Шёнберге случилось нечто, из-за чего наше село несколько дней подряд упоминали в «Курляндских губернских ведомостях». Жену Левенштейна зарезали, и это убийство всколыхнуло всю округу. Из Бауска приехал судебный следователь Чиннов, из Митавы – репортер, куривший на редкость вонючие сигары, от которых у меня болела голова, и отправивший какое-то немыслимое количество телеграмм, так что Гофман даже стал ворчать, что «из-за этих чертовых шелкоперов» у него скоро сломается телеграфный аппарат. Чиннов состоял в чине коллежского секретаря (позволю себе этот каламбур), говорил только по-русски и всех уверял, что не понимает ни немецкий, ни латышский, ни какой-либо иной из языков, которые существуют в мире после падения Вавилонской башни. Он вздыхал, в беседах как бы вскользь давал всем понять, что Шёнберг – суцая дыра, а сам он совершенно не знает, для чего пошел работать следователем. Кроме того, Чиннов охотно пил местное пиво со всеми, кто искал его общества, ездил во все концы на лошадях, которые ему выделили из имения барона Корфа, и производил самое никчемное впечатление. Меня, кстати сказать, он тоже на всякий случай допросил, но мне нечего было рассказать о жертве, кроме того единственного случая, когда я видела ее на почте.

– Гм... Значит, купила открытку? Гм... И кому же она ее отправила, вам неизвестно? Нет? Гм... А это у вас настоящая рысь? По-ра-зительно!

Впоследствии выяснилось, что никчемный будто бы Чиннов, может быть, и

предпочитал общаться на русском, но также отлично понимал все языки, на которых говорят в Курляндской губернии, схватывал сведения на лету и умел быстро делать выводы, и вообще ему палец в рот не клади, потому что он за несколько дней успешно раскрыл убийство. Как выяснилось, жену Левенштейна зарезала служанка, которой падчерица убитой посулила 200 рублей, если та избавит семью от ненавистной мачехи. Чиннов арестовал обеих – и убийцу, и подстрекательницу, которая позже повесилась в тюремной камере, потому что отец ее проклинал.

После окончания следствия жизнь в Шёнберге вернулась в свою колею. Я получила письмо от матери, в котором она приглашала меня приехать к ней погостить, и отложила его, не зная, как мне на него ответить. Пока я размышляла, произошли новые события, которые отодвинули все остальное на задний план.

Глава 7

Удар молнии

С появлением Ружки моя жизнь осложнилась. Когда она была еще котенком, ее вид приводил большинство окружающих в умиление, но, как я уже говорила, рысь росла быстро. С одной стороны, ей требовалось много еды; с другой, мы находились в доме, где было трое детей, которые пытались обращаться с ней как с обычной кошкой или как с игрушкой. Ружка вообще плохо подходила для игр любого рода. Это было спокойное, исполненное чувства достоинства – если так можно выразиться о животном – существо. Я не припомню, чтобы она грызла предметы или царапала стены; она никогда не пыталась укусить меня, даже в шутку, но вскоре выяснилось, что она сможет дать отпор, если захочет. Один из детей Серафимов как-то решил, что может схватить Ружку за хвост. У рысей короткие хвосты, и им, естественно, не по нраву, когда с ними так обращаются. В результате Ружка так располосовала руку обидчика, что кровь хлынула ручьем. Все закончилось детскими слезами и негодующими воплями Эвелины, которая обожала своих детей и их переживания принимала близко к сердцу. Кое-как удалось уладить скандал, руку перевязали, я извинилась и пообещала, что ничего подобного больше не повторится, но тут появилась другая проблема.

У Серафимов был пес, которому Эвелина, верная себе, дала кличку Лив. Он охранял наш домик, а кроме того, курятник и небольшой огород на заднем дворе, в котором Эвелина любила возиться в свободное время. Лив был неглупым псом, но присутствие в доме хищника с кисточками на ушах не давало ему покоя. Стоило Ружке появиться в окне, как Лив мчался по двору к этому окну и начинал яростно лаять. Если же она покидала дом, он прямо-таки сходил с ума и всеми средствами пытался добраться до нее. Кончилось тем, что его посадили на цепь, но он так и не унялся и каждое появление рыси в поле его зрения встречал хриплым лаем. Мало-помалу шум, который он производил, начал всех раздражать, и естественно, что Эвелина больше винила Ружку как причину этого шума, а я – ее пса, который не мог оставить мою рысь в покое. Из-за этого отношения между нами и Серафимами стали немного натянутыми, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не вмешались небеса.

Август выдался жарким, одна за другой шли грозы. Я была на рабочем месте, Лихотинский отпросился у начальства и ушел к жене, которая ждала ребенка и очень волновалась. Гофман, позевывая, читал немецкую газету, потом принялся за русскую. Крумин считал деньги в кассе. С дождя зашел пастор Тромберг, сложил свой большой черный зонт и сказал, что хотел бы купить марки. На нем был черный непромокаемый плащ, который блестел, как шкура какого-то странного животного. Гофман начал на немецком какую-то вежливую фразу насчет погоды и того, что пастор бесстрашный человек, раз рискнул выйти из дома, но тут снаружи что-то ослепительно сверкнуло, озарив ярчайшим светом все уголки почтового отделения. Я почувствовала, как подо мной слегка подрагивает пол, и гром загрохотал так жутко, так неистово, что я решила, что сейчас оглохну. Ружка вскочила и забралась под мою конторку, я видела, как блестят ее глаза.

– Что? Что случилось? – твердил Крумин, вцепившись в свой стол.

Он переживал момент паники, когда человек словно прикипает к месту и не может пошевелиться.

– Как близко гремит, – спокойно промолвил пастор, снимая свое пенсне и протирая стекла платком. – Может быть, молния попала в телеграфный столб?

У Гофмана оказалось больше присутствия духа, чем у меня и Крумина. Он подошел к двери и распахнул ее. Снаружи лил дождь, но сквозь его пелену была видна цепочка телеграфных столбов, которая заканчивалась возле нашего отделения.

– С теми столбами, которые я вижу, вроде бы ничего не случилось! – крикнул Гофман, поворачиваясь к нам.

Дверь во внутреннее помещение распахнулась, и оттуда выбежали Серафим и мой отец. В первое мгновение я даже не узнала лица Джона Ивановича: так оно было искажено тревогой.

– В наш дом ударила молния! – крикнул мой отец, предваряя любые расспросы. – А его семья там...

Я похолодела.

– Нил Федорович, вы остаетесь за главного! – распорядился Джон Иванович. – Простите, господа, но обстоятельства...

– Я могу пойти с вами, – предложил Гофман.

– Благодарю вас, но мы справимся сами. По крайней мере, – добавил Джон Иванович, – я очень на это надеюсь...

Он вместе с моим отцом скрылся во внутреннем помещении, где имелся отдельный выход для служащих. Пастор надел очки и повернулся ко мне.

– Дайте мне четыре копеечные марки, пожалуйста... Благодарю вас.

Я взяла деньги, положила их в кассу и умоляюще покосилась на Крумина.

– Идите, Анастасия Михайловна, – вмешался Гофман. – Все равно, какие сейчас посетители?

И я выбежала наружу, даже не поблагодарив его за вмешательство, а Ружка последовала за мной.

Не знаю, что я ожидала увидеть... Меня поразило, что наш дом по-прежнему стоит на месте и не обратился в груды развалин. Потом уже мне сказали, что крыша с одной стороны была черной, как сажа – наверное, оттуда и начался пожар.

Лив на цепи метался и скулил во дворе. Моего отца я нашла в одной из комнатушек. Тут же находился Джон Иванович, который успокаивал жену и детей, а в углу стояли слуги – его лакей и приходящая служанка из деревни, которые жались друг к другу от ужаса, хотя раньше не слишком ладили между собой.

– Я даже не успела ничего понять! – кричала Эвелина. – И вдруг грохот! И меня отбросило куда-то... Кажется, я даже потеряла сознание! Но хорошо, что дом не загорелся! От удара молнии бывают такие пожары...

Ружка негромко зарычала. Я подняла голову и увидела, как надо мной на потолке растет огненный цветок.

– Горим! – закричала я.

Нужно было срочно принести воды. Неменек был близко, но все равно, что за тридевять земель. Пока мы будем таскать ведра, все сгорит! И даже дождь кончился.

– Детей, детей спасайте! Вещи! Господи, что с вещами-то делать... Кошки! И Лив во дворе привязан! И мой курятник, мой огород...

Служанка бросилась спасать кур и Лива, слуга кинулся вверх – собирать вещи.

– Куда ты, дурак, – закричал отец, – чердак уже горит! Не глупи!

– Мое жалованье там! – хрипло отозвался слуга. – Все деньги...

– Джон, выноси детей! – распоряжалась Эвелина. – Я за вещами... Спасайте, все спасайте, пока можете! Настасья! Не стой столбом!

Отец побежал в свою комнату, я бросилась к себе, вытащила чемодан и принялась лихорадочно закидывать в него вещи. Ружка вертелась вокруг, но не мешала. Деньги, документы, книги, одежда, немногие предметы, которыми я успела обзавестись – например, зеркальце, купленное в местной лавке... Сообразив, я стащила с постели белье и тоже затолкала его в чемодан. В носу уже начало щипать от дыма.

– Ружка! За мной!

Мы с отцом столкнулись у выхода, кошки Эвелины бежали за нами. Я распахнула дверь, и мы все вместе протиснулись наружу.

Крыша уже полыхала. Дети рыдали в голос, собравшись вокруг Серафима. По двору металась куры, которых служанка выпустила из курятника.

– Ты все взял? – спросила я. – Ничего не забыл?

Отец поставил на землю свои два чемодана – те самые, с которыми он приехал сюда – и горько усмехнулся.

– Можешь быть спокойна, Настя. Я ничего не забыл.

Я поискала взглядом слугу, но он стоял в стороне, прижимая к груди узелок с вещами, словно окаменел. Одна прядь волос у него немного обгорела. Служанка бегала по двору, пытаясь собрать кур, и с ужасом косилась на пылающий дом.

– А где Эвелина? – спросила я.

Джон Иванович обернулся ко мне.

– Она в доме. Не хочет оставить там ни одной вещи.

– Да она же сгорит там!

Бросив чемодан, я побежала обратно в дом, но половицы возле двери уже полыхали, и я не рискнула входить.

– Эвелина! – истошно закричала я, мечась вокруг дома. – Эвелина!

– И нечего тут кричать, – прозвенел ее голос из окна, возле которого я стояла. – Держи!

И прежде чем я успела опомниться, она передала мне в окно стопку тарелок.

– Эвелина! Дом горит!

– Пустяки, выберись в окно. Не для того мой Джон столько лет работал, чтобы я оставила все здесь!

Я охрипла от крика, умоляя ее не глумиться, но она передавала мне в окно все новые и новые вещи: посуду, узлы из скатертей и простынь, набитые чем попало, и даже кое-что из мелкой мебели. Отец и Джон Иванович тоже подошли к окну и принимали то, что Эвелина спасала от огня.

Сама она согласилась вылезти в окно только в самый последний момент – за две или три минуты до того, как провалились крыша и горящий пол.

Кашляя и плача от дыма, который ел глаза, мы отошли подальше от пожарища, но никто из нас не ушел, пока дом не сгорел дотла.

– Прощай, казенная квартира, – мрачно промолвил мой отец. – Джон Иванович, что мы теперь-то делать будем?

– Я думаю, – рассудительно ответил тот, поправляя золотую цепь часов, – мы пойдем сейчас на почту. Полагаю, это будет разумнее всего.

– А мои куры? – жалобно спросила Эвелина. – С ними-то что делать?

– Пусть слуги их пока здесь постерегут. Лив и кошки тоже пусть останутся здесь, пока мы не определимся.

И мы вернулись на почту – где Крумин и Гофман, увидев наши лица, даже не стали задавать вопросов. Я села на свое место за конторкой, а Ружка улеглась у моих ног.

– Нам надо где-то переночевать, – сказал Джон Иванович. – Что с тобой? – обратился он к Эвелине, видя, что она плачет.

– Огород пропал, – пожаловалась она сквозь слезы. – Я так старалась, столько всего посадила...

Она не выдержала и разрыдалась, уткнувшись лицом мужу в плечо.

– Ну... будет, будет, – бормотал он, осторожно разглаживая ее волосы и вынимая из них попавшие туда частички пепла и сажки. – Новый огород сделаем. Я тебе лучшие семена выпишу по почте... Главное нам сейчас – хоть как-нибудь устроиться.

– В крайнем случае, – заметил Крумин нерешительно, – можно переночевать на постоялом дворе.

Джон Иванович неодобрительно шевельнул широкими бровями. Разумеется, в Шёнберге имелись постоянные дворы, но проблемы они не решали, потому что там было очень мало того, что именуется комфортом. В случае необходимости можно было провести там ночь или две, но никто не рискнул бы поселиться там надолго. Кроме того, вскоре начинается очередная ярмарка, на которую съедется вся округа, и жить на постоялом дворе будет совсем невмоготу.

– Я, конечно, доложу начальству о случившемся, – заговорил Джон Иванович после тяжелого молчания, – но не следует думать, что почтовое ведомство сумеет выстроить для нас новый дом завтра или послезавтра. – Хотя он был чрезвычайно корректным и сдержанным человеком, в его тоне промелькнуло нечто похожее на раздражение. – А ночевать в отделении почты мы не можем, это запрещено правилами. Да и места тут нет.

– Может быть, кто-нибудь из жителей согласится пустить нас к себе? – спросила я.

– Кстати, – вмешался Гофман, – мне только что пришла в голову мысль. Наш аптекарь Оттон Иванович недавно унаследовал дом от деда, но сам там не живет. Дом не так уж далеко от почты, на работу ходить удобно. Там даже есть старый курятник, который, правда, собирались сносить, но не успели. – Эвелина встрепенулась. – Имеется только одна загвоздка. Дом по размерам примерно такой же, как ваш, но комнаты там больше. Две семьи там не поместятся.

– А... а огород там можно устроить? – спросила Эвелина.

– Я думаю, можно, Эвелина Леонардовна, – ответил Гофман, улыбаясь. – Вряд ли мой приятель будет возражать.

Джон Иванович нахмурился. Как человеку щепетильному, ему не хотелось решить проблемы своей семьи, оставив нас наедине с нашими.

– Может быть, у вас есть на примете кто-нибудь еще? – спросил он. – Потому что, по правде говоря, я нахожусь в затруднении. Насчет дома Оттона Ивановича мы подумаем, но...

Пока шло обсуждение доводов за и против, на почту стали заглядывать любопытные, которые прослышали о том, что в дом почтового начальства ударила молния и он сгорел. Я заметила, что всякий раз, как открывалась дверь, Эвелину аж передергивало. Думаю, она, как и я, не могла забыть того, что, когда мы сражались с огнем, никто не пришел нам на помощь, только несколько зевак глазели на происходящее с безопасного расстояния. Заметив состояние жены, Джон Иванович откашлялся, громко объявил, что уже пять часов и пора

закрывать (хотя была только половина пятого), после чего достал ключи и двинулся к двери, но тут она в очередной раз растворилась, и на пороге появился взволнованный Августин Каэтанович.

— Благодарение небесам, все живы! — воскликнул ксендз. — Я только сейчас узнал, что произошло.

— От коллеги? — с невинным видом спросил Гофман. Он отлично помнил, что оба священнослужителя терпеть друг друга не могут. Однако ксендз воспринял его вопрос всерьез.

— Нет, звонарь заметил пожар с колокольни, спустился и сказал мне. — Он покачал головой. — Когда я увидел, что осталось от вашего дома... Где же вы будете теперь жить?

— Собственно говоря, мы как раз сейчас обсуждаем, что нам делать, — сдержанно отозвался Джон Иванович. — Вопрос непростой, потому что у моей жены хозяйство, куры...

Августин Каэтанович задумался. В дверях тем временем появились доктор Мюллер, который пришел узнать, не нужна ли кому-либо его помощь, и пастор Тромберг — все в том же черном плаще и с тем же черным зонтом.

— Сочувствую вашему горю, — промолвил пастор, обращаясь в основном к Эвелине, ее мужу и моему отцу. — Тяжело терять дом, в котором ты жил.

— А найти новый будет нелегко, — заметил ксендз. — Завтра я поговорю с Ильдефонсом Казимировичем. Надеюсь, он согласится, чтобы они какое-то время пожили у него.

Это был один из его прихожан, богатый поляк, которому принадлежало небольшое поместье в нескольких верстах от Шёнберга — на другом берегу Неменека, то есть уже в Ковенской губернии. Честно говоря, я сомневалась, что нам удастся с ним поладить — у Ильдефонса Казимировича была репутация крепкого кулака, который не имеет привычки делать одолжений.

— У меня есть мысль получше, — вмешался пастор. — Я только что видел герра Креслера. Его жена неуютно чувствует себя в замке, а хозяева, очевидно, туда уже не вернутся. Полагаю, он не станет возражать, если вы какое-то время поживете в замке. И фрау Креслер будет спокойнее, и... да, наверное, и ему тоже.

— Конечно, он не будет возражать! — поддержал его доктор. — У него нервы совсем расшатаны. Хорошая компания живо приведет его в чувство, а всех вас мы хорошо знаем и можем за вас поручиться...

Эвелина подошла к мужу и посмотрела ему в глаза.

— Джон, — мягко промолвила она, — я не поеду в замок с привидениями. Даже не проси!

Одним словом, после недолгого обсуждения было решено поселиться у аптекаря, если он не заломит слишком большую цену и если в доме удастся разместиться нам всем.

Глава 8

Переезд

С помощью Гофмана быстро удалось договориться с аптекарем. Он не любил деда, который, судя по всему, был домашним тираном, и потому дом, доставшийся Оттону Ивановичу в наследство, пустовал уже несколько месяцев.

– Я, признаться, даже подумывал его продать, – сказал аптекарь. – Но если вы захотите в нем поселиться, я ничего не имею против. Мебель там вполне приличная, хоть и старая. Единственно, мне кажется, что дом хорош для небольшой семьи, а семь человек с прислугой... – он не договорил и покачал головой.

Нас в некотором смысле успокоило, что дом был каменный, в отличие от нашего прежнего жилища, которое сгорело за считанные минуты. Однако, прибыв на место, мы убедились, что аптекарь был прав и что пять комнат – слишком мало для семи человек и одного слуги.

С присущей ей энергией Эвелина тотчас принялась хлопотать и обустраиваться на новом месте. Куры были определены в старый, но еще достаточно прочный курятник, Лива посадили на цепь во дворе. Одну комнату Эвелина разгородила ширмами и определила ее под детскую для всех отпрысков. Вторая комната стала супружеской спальней Серафимов, третья – гостиной и по совместительству общей столовой. Нам с отцом достались две комнатки без кроватей, которые надо было как-то превратить в спальни. Для отца переставили диван из гостиной, вытащили из чулана старую кровать для меня, а в чулане пока поселился слуга Джона Ивановича. Пока шли все эти перестановки, успокоившиеся кошки занялись охотой на мышей, и сразу же выяснилось, что в заброшенном доме последних развелось видимо-невидимо.

– Ничего, – бодро сказала Эвелина, – будем жить!

Ружка поймала двух мышей и принесла их мне как охотничий трофей. Вечером зажгли свечи, и Джон Иванович стал писать к начальству обстоятельный отчет обо всем, что произошло. Целью отчета было среди прочего добиться, чтобы почтовое ведомство, пока не построен новый дом для его служащих, согласилось оплачивать аренду жилья.

Однако, когда я после ужина осталась одна в комнатке, ставшей моей спальней, я остро ощутила, что все не так, как должно быть, и что жить на новом месте будет непросто. Кровать, которую мне нашли, предназначалась для подростка лет 12 – возможно, на ней спал аптекарь, когда он был мальчиком, – и оказалась для меня слишком коротка. На комодах стояли семейные фотографии, и от колеблющегося пламени свечей казалось, что изображенные на них люди недоброжелательно косятся на меня, досадуя на вторжение чужаков в привычное им окружение. От старости обои на стенах кое-где отстали и висели лохмотьями, большие стоячие часы молчали и не поддавались попыткам завести их. Я легла в постель, поджала ноги и накрылась простыней вместо одеяла, но мне было грустно, не спалось, и я стала вспоминать, как ходила по Замковому острову в Митаве и как на веранде кафе «Сан-суси», которое прячется там среди деревьев, красиво одетая дама влюбленно ворковала по-немецки с молодым человеком, нежно пожимая его руку, лежавшую на столе. Не скрою, мне вдруг ужасно захотелось обратно в Митаву – и только тут я вспомнила, что открытки, привезенные оттуда, висели над моей кроватью в сгоревшем доме, и я забыла их,

когда собирала вещи. Но мне так не хотелось думать, что я могла их оставить, что я встала и посреди ночи проверила все, что успела спасти из горящего дома. Сомнений больше не оставалось: я действительно забыла открытки, они сгорели, и тут, не выдержав, я расплакалась.

От всех этих переживаний я не выспалась и не услышала утром, как отец стучит в мою дверь. Проснувшись я только после того, как он приотворил дверь и Ружка, спавшая у порога, проскользнула в комнату, забралась на мою кровать и стала тыкаться мне носом в лицо.

Днем на почте было много посетителей, но никто не покупал открыток и не отправлял телеграмм. Пожар, случившийся накануне, сделался предметом всеобщего обсуждения, и все рвались узнать подробности из первых рук. Кое-кому известие о случившемся оказалось даже на руку: в Шёнберге имелся агент Второго Российского страхового от огня общества, и после вчерашнего у него заметно прибавилось клиентов.

Ближе к вечеру в отделении появился Рудольф Креслер и о чем-то заговорил с Гофманом по-немецки, после чего подошел ко мне. Боюсь, я поглядела на управляющего с неприкрытой враждебностью: мне уже успели порядком надоесть вопросы о пожаре и о том, сколько мы потеряли.

— Господин пастор рассказал мне о том, что с вами случилось, — сказал Креслер. — Я слышал, вы поселились у аптекаря, это так?

Я уточнила, что дом раньше принадлежал деду Оттона Ивановича.

— Его я и имел в виду, — ответил Креслер. — Но мне говорили, что там может жить только одна семья.

— Да, там не очень много места, — подтвердила я. — Но...

Пока я искала подходящие немецкие слова, чтобы выстроить фразу в духе русской пословицы «в тесноте, да не в обиде», управляющий быстро продолжил:

— Я сказал вчера, что вы могли бы пожить в замке Фирвинден, пока все не устроится, и сегодня я не отказываюсь от своих слов. Если вы с отцом захотите перебраться туда, мой экипаж ждет на площади. — Площадью назывался пятачок в центре села, где обычно проходили ярмарки. — Мы могли бы сразу же захватить ваши вещи.

Признаться, я была немного озадачена настойчивостью Креслера, потому что мой отец был всего лишь помощником начальника почтового отделения, а обо мне вообще говорить нечего. В Курляндии управляющие большими имениями, как правило, люди обеспеченные, и они скорее будут водить компанию с местными аристократами, чем со служащими. К тому же нельзя сказать, чтобы мы с Креслером часто пересекались вне почты. Джон Иванович был человеком компанейским, и гости в доме бывали, но вовсе не управляющие, а, к примеру, кассир ссудо-сберегательной кассы, волостной старшина, Лихотинский с женой и другие почтовые работники.

— Вы очень великодушны, — сказала я наконец, — но замок в нескольких верстах от Шёнберга... нам с отцом придется ездить на работу... и платить за проживание в замке... и...

— Я не возьму с вас ничего, — поспешно ответил управляющий. — Я дам вам кучера и экипаж, и вас будут возить на почту и отвозить обратно. — Он заметил, что я колеблюсь, и добавил: — Мы с женой давно думали поселить кого-нибудь рядом с нами, чтобы... чтобы было не так скучно. Все, кого я знаю, говорят о вашей семье только хорошее. А сейчас, когда вы оказались в таком положении, я был бы счастлив оказать вам посильную помощь.

И он несколько раз повторил, что нам не придется платить ни за проживание, ни за

лошадей, ни за экипаж, который понадобится нам для поездок.

– Почему вы обратились ко мне, а не к моему отцу? – не удержалась я.

– Полагаю, вам будет легче его уговорить, – ответил управляющий с улыбкой. – Мне сейчас надо заехать в пару лавок. Я вернусь через час за вашим ответом.

Он поклонился, надел шляпу и удалился. Я обратила внимание, что даже походка у него немного переменилась, стала более спокойной. Поглядев на часы, я поняла, что до закрытия отделения остается ровно 45 минут.

– Нил Федорович, мне надо отлучиться, – сказала я своему коллеге. – На несколько минут.

Крумин не возражал, и я отправилась поговорить с отцом, у которого с Джоном Ивановичем был один кабинет на двоих. Сам начальник стоял в коридоре и отчитывал нашего почтальона – безобидного, но пьющего человека – за то, что тот ухитрился потерять какое-то письмо.

– Что случилось? – спросил отец, завидев меня.

Я сказала, что Креслер предлагает нам перебраться в замок, причем не хочет брать денег за наше проживание и обязуется выделить нам кучера для поездок в Шёнберг. Мой отец задумался.

– Как, по-твоему, – решился он наконец, – что за этим стоит?

– По-моему, все очень просто, – произнесла я. – В замке есть что-то, что нервирует управляющего и его жену, и они хотят, чтобы рядом были другие люди.

– В молодости мне приходилось спать на диване, – признался отец, – но сегодня ночью я понял, что молодость давно прошла. И честно говоря, я не верю в привидения.

– Я тоже, – сказала я. – Так ты согласен? Креслер приедет после того, как почта закроется. – Уловив, что отец колеблется, я добавила: – И Серафимам без нас будет легче. Я все время боюсь, что Ружка кого-нибудь укусит, когда дети опять попытаются с ней играть, и тогда мы с Эвелиной окончательно рассоримся.

– Хорошо, – решился отец, – ты права. Переберемся в Фирвинден. В конце концов, – добавил он с улыбкой, – вряд ли нам когда-нибудь еще выпадет возможность пожить в настоящем замке!

Управляющий вернулся к почте за пять минут до назначенного срока, и отец сообщил ему о нашем решении. По-моему, Креслер искренне обрадовался – так, словно это мы разрешали ему жить в замке, а не он нам. Серафимы, судя по всему, тоже были довольны, что в домике аптекаря им достанется на две комнаты больше. Мы с отцом собрали вещи за несколько минут и забрались в коляску управляющего. Ружку я взяла на колени, но она вела себя спокойно, как будто все происходящее было в порядке вещей.

– Трогай! – крикнул Креслер кучеру.

Экипаж выехал из Шёнберга и покатил по дороге. Я сидела, подставив лицо ветру, и прислушивалась к разговору, который вели между собой Креслер и мой отец, который говорил по-немецки гораздо лучше, чем я. Управляющий был подданным Германии, но это в Курляндии обычное дело; жену его звали Минна, детей у них не было – один младенец родился мертвым еще до приезда сюда. Доктора, впрочем, обещали, что Минна сможет родить нормального ребенка, если будет вести здоровый образ жизни и перестанет волноваться. Дойдя до этого места в своем рассказе, управляющий помрачнел.

– Я никогда не считал себя суеверным человеком, – промолвил он наконец, – но этот замок... в нем есть что-то странное. Однажды Минна слышала звуки клавесина. Мы со

слугами обошли второй этаж и наконец нашли заброшенный клавесин в одной из комнат. Крышка была поднята, на инструменте лежала пыль, но на клавишах ее не было – значит, крышку подняли только что. Я спросил, кто играл на клавесине. Слуги посмотрели на меня как на сумасшедшего и сказали, что они тут ни при чем. Я вскоре выяснил, что действительно никто из них не умеет играть на музыкальных инструментах. И потом, зачем кому-то трогать старый клавесин? А еще иногда в замке слышны шаги и какие-то странные шумы. Я проверял – слуги в это время находились у себя, мы с женой сидели в гостиной. И все же кто-то там ходил...

– Я тоже человек несуеверный, – сказал мой отец. – Полагаю, кому-то все же захотелось побаловаться со старинным инструментом, но вам он побоялся признаться. А что касается шагов и звуков, возможно, ветер шумел в дымоходе или что-то в этом роде.

– Вы думаете? – недоверчиво спросил Креслер.

– Конечно. У всех этих происшествий, какими бы странными они ни казались, должно быть рациональное объяснение.

– Мне бы очень хотелось так думать, – произнес управляющий после паузы. Он снял шляпу и вытер платком лоб. – Но есть некоторые вещи, которые трудно объяснить.

– Например?

– Да взять хотя бы то, что происходит со слугами. Жена Теодора сказала ему, что видела Белую даму, а вскоре ее парализовало. Дворецкого Вебера несколько месяцев назад сразил удар. Да, я знаю, доктор Мюллер всем говорил, что наш дворецкий был уже старым человеком. Только вот за день до смерти Вебер сказал мне, что видел ночью женщину в старинном платье, какие не носят уже лет триста. Я попытался убедить его, что он ошибся или видел сон, но он сказал мне, что женщина поманила его к себе. Он был уверен, что встретил привидение графини Рейтерн, и что ее жест означал, что он скоро умрет. Так оно и произошло.

– Старым людям, – спокойно заметил отец, – порой приходят странные фантазии...

– Я и сам себе это говорю, – ответил Креслер, – но как тогда быть с женой Теодора? Ей чуть больше тридцати.

Отец бросил на меня быстрый взгляд, и я поняла, о чем он думает. Вместо того, чтобы жить в тесноте и обедать с милыми Серафимами, мы теперь едем в замок, где будем находиться среди взвинченных малознакомых людей, которые вздрагивают от каждого шороха.

– Скажите, герр Креслер, – решила я, – а вы сами или ваша жена хоть когда-нибудь кого-нибудь видели? Я имею в виду привидения из историй о замке.

Управляющего передернуло.

– Нет, мы с Минной никого не видели, – поспешно ответил он. – Но это ведь не обязательно значит, что ничего на самом деле нет.

Но тут коляска повернула в последний раз и выехала на прямую дорогу, в конце которой был Фирвинден, и я привстала на месте, забыв обо всем на свете.

Замок надвигался на меня с неотвратимостью судьбы. Он был сложен из серого камня, с мощными круглыми башнями по углам. В нем не было ничего игрушечного, ничего живописного; вовсе не такие замки рисуют в книжках про принцев и принцесс. Это был замок-воин или, если угодно, замок-завоеватель. Я заметила, что в одной из башен сохранились совсем узкие окна-бойницы, которые наверняка не менялись с момента постройки. Остальные окна были с течением времени расширены, и вообще было заметно

стремление хозяев сгладить изначальный характер их владения. Надвратную башню пытались переделать в неоготическом стиле, с зубцами и карнизами, к фасаду добавили дополнительные входы и выходы, с боков соорудили террасы, а одну из башен в задней части здания надстроили, из-за чего утратилась целостность первоначального плана и эта башня стала нависать над постройкой. Однако все эти добавления и изменения, модная уступка скоротечному времени, выглядели, как шелковая одежда на старом разбойнике, покрытом шрамами: как его ни наряжай, все равно чувствуется, кто перед тобой. Фирвинден дышал историей, он сам был историей, и сколько бы рассказали его неприметные камни, если бы умели говорить!

– А где озеро? – спросила я. – Я не вижу озера.

– Может быть, тут когда-то и было озеро, – ответил Креслер с подобием улыбки, – но его больше нет. Остался только пруд с той стороны замка, которая не видна с дороги. И ров вокруг Фирвиндена давно засыпали, еще в восемнадцатом веке, если не ошибаюсь.

Коляска въехала в открытые ворота, миновала запущенный сад и остановилась во внутреннем дворе замка – где когда-то, если верить легенде, граф Рейтерн усадил свою мертвую жену и складывал у ее ног тела всех тех, кто мог желать ей смерти; но сейчас это был всего лишь двор, вымощенный серым булыжником. В окне мелькнуло миловидное женское лицо.

– Идемте, – сказал управляющий, – я познакомлю вас со своей женой.

Глава 9

Замок Четырех ветров

Опрокинутые башни замка отражались в воде пруда, а рядом с ними покачивались распустившиеся кувшинки. С этой стороны Фирвиндена был отчетливо виден выбитый в верхней части стены равноконечный красный крест, сохранившийся на той из башен, которую не успели перестроить.

Ружка понюхала траву на берегу, покрутилась вокруг и подошла ко мне. Я села на пенёк, расправила складки юбки и погладила рысь по голове. Она сощурила свои необыкновенные глаза и устроилась возле моих ног.

Солнце уползало за деревья, в листве которых щебетали птицы. Легкий ветерок морщил воду пруда, и тогда казалось, что башни замка дрожат.

Я уже познакомилась с Минной, а также со слугами, которые обитали в замке. При жизни старого графа Рейтерна тут находилось не меньше тридцати человек прислуги — повара, горничные, лакеи, конюхи, кучера, садовники, няньки и прочие; но потом, когда граф умер, а его вдова с детьми уехала, забрав все личные вещи, управляющий Блуменау решил, что в отсутствие хозяев кормить столько народу не имеет смысла, и уволил большую часть. Некоторые слуги ушли сами, обидевшись на то, что Блуменау стал меньше платить. А потом его сменил Креслер, который обнаружил, что в его распоряжении остались дворецкий, лакей, горничная, повар, приходящая прачка, сторож и конюх, который также исполнял обязанности кучера. Вскоре дворецкий умер, а горничную — это была как раз жена лакея Теодора — разбил паралич. Вместо нее взяли новую горничную, но она ушла, не проработав и месяца, причем не пожелала объяснять причин и лишь дала понять, что ни за какие коврижки не останется в таком месте. После нее Креслер согласился взять на службу сестру Теодора Лизу, о которой было известно, что у нее крепкие нервы и привидениями ее не напугать. Впрочем, она была так некрасива, что, если бы какое-нибудь привидение с ней столкнулось, пугаться бы пришлось ему, а не ей.

Что касается жены управляющего, Минны Креслер, то я не могла сказать, что она мне не нравится, но она явно принадлежала к тем легковозбудимым, чрезмерно впечатлительным натурам, общество которых в какой-то момент начинает утомлять. Она вздрагивала, когда слышала чьи-то шаги за дверью, вздрагивала, когда начинали бить часы, и ее муж всегда с готовностью бросался ее успокаивать. Когда мы были в гостиной, я заметила в углу пианино и машинально подняла крышку, чтобы потрогать клавиши и проверить его звучание. Надо было видеть выражение лица Минны, с каким она обернулась ко мне: я еще никогда не видела в глазах человека столько ужаса.

— Простите, ради бога, — сконфуженно пробормотала я, — я просто хотела...

Мы обе рассыпались в извинениях, и Минна, конечно, объяснила свое волнение тем, что стояла ко мне спиной и не видела, как я подняла крышку.

— Я думала, это опять... впрочем, неважно. — Она нервно провела тонкой рукой по лицу. — Руди рассказывал вам, что случилось с клавесином?

Звук клавесина совсем не похож на звук пианино, и, каюсь, я с некоторым неудовольствием подумала, что жене управляющего нужен только предлог, чтобы испугаться. За ужином я обратила внимание на то, что Минна принадлежит к людям, которые то ли из

извращенно понятой вежливости, то ли от неумения отстоять свою точку зрения всегда соглашались с собеседником. Речь зашла о мужском портрете, который висел в большой гостиной на втором этаже; я нашла, что он глуповат и помпезен, управляющий же нашел его необыкновенно удачным, и оба раза Минна согласилась с нами в самых восторженных выражениях.

Ружка ее восхитила, и жена управляющего стала расспрашивать меня, как я сумела приручить такое дикое животное, как рысь. Я честно ответила, что Ружку мне принесли совсем маленькой, и я никогда специально не занималась ее приручением – просто заботилась о ней как умела и привязалась к ней так же, как она ко мне.

– А меня животные не любят, – пожаловалась Минна. – Ни кошки, ни собаки – никто!

Она вздохнула и покачала своей хорошенькой кудрявой головкой, словно сетуя на несправедливость этого мира.

– Зато я тебя люблю, – сказал Креслер с улыбкой.

Минна с сомнением взглянула на него, словно прикидывала, является ли он равноценной заменой кошкам и собакам. Может быть, вы сочтете, что я, как автор, стремлюсь задним числом проявить проницательность, но хотя я тогда мало что знала об отношениях мужчины и женщины, у меня все же мелькнула мысль, что зря управляющий во всем потакает жене. Они вообще казались людьми из разных миров: он – серьезный, работающий и, вероятно, чуточку педант, а она – нервная, избалованная и недалекая женщина. Но когда после ужина Минна объявила, что прислуга приготовила наши комнаты, и изъявила желание проводить нас туда, я очень быстро раскаялась в том, что думала о ней плохо.

Полагаю, что не ошибусь, если скажу, что моя спальня была по размеру больше всего нашего сгоревшего домика, а еще к ней примыкали ванная комната и очаровательный кабинет, обставленный старинной мебелью. А сама спальня... кровать с балдахином, вы понимаете? С бал-да-хи-ном! Потолки высотой до облаков – и окна, которые выходят прямо на пруд с кувшинками...

– Я так и думала, что вам понравится, – торжествующе объявила Минна, увидев выражение моего лица.

Отцу досталась другая спальня, не меньше, чем моя. Оправившись от изумления, он поблагодарил управляющего и его жену за их заботу, но... ему, честное слово, неловко... ведь мы даже не платим за наше пребывание в замке...

– Не думаю, чтобы гости графа Рейтерна когда-нибудь платили ему, – ответил Креслер с улыбкой, глядя на свою жену. – Это обычные гостевые комнаты. Мы живем в точно таких же, рядом с вами, немного дальше по коридору. Раньше мы жили в башне над склепом, но...

– Тут есть склеп? – спросила я.

– И часовня. Это часть башни, а склеп под ней, в подвале.

– Я думал, – заметил мой отец, – часовня и склеп обычно находятся на территории замка, но в отдельном здании.

– Да, так и было, – подтвердил Креслер, – до графини-католички. Вскоре после того, как ее похоронили, часовня сгорела. Не исключено, что это был поджог, но склепа огонь не коснулся. Муж графини приказал сделать часовню в замке и перенести сюда же гробы с телами предков. Он не успел восстановить разрушенную часовню, а последующие поколения привыкли к тому, что все находится в замке. Кроме того, у них были дела поважнее, потому что надо было справляться с местными крестьянами, которые то и дело восставали против них.

– Я смотрю, вы хорошо знаете историю рода Рейтернов, – сказала я.

– Да, в библиотеке замка есть рукопись книги, которую писали для кого-то из семьи в середине прошлого века. Вероятно, ее собирались издать, но потом передумали. В тексте куча шпилек против герцога Бирона и Остен-Сакенов, ну и сведения о Рейтернах, которые больше нигде не найдешь.

– А в замке большая библиотека? – заинтересовалась я.

– О очень большая, но большинство книг на немецком.

– Я все же взгляну на нее как-нибудь, если вы не против.

Управляющий заверил меня, что он не имеет ничего против, и, поблагодарив Креслеров за великолепный ужин, я отправилась с Ружкой на прогулку.

Сев на пенек возле пруда, я попыталась собрать воедино свои впечатления об уходящем дне, но мои мысли потекли совсем в другую сторону, и вскоре я уже думала о рыцарях, о какой-то крестьянской девушке, которая назвалась феей, чтобы привлечь к себе внимание, и о том, что в замке, конечно, нет никаких привидений, но если бы Минна думала иначе, она бы никогда не пригласила сюда посторонних людей.

Кисточки на ушах Ружки затрепетали, рысь вскочила: кто-то шел к пруду. Я обернулась.

– Тихо, Ружка, тихо! Это всего лишь Теодор.

Слуга подошел и с любопытством посмотрел на меня. Передо мной стоял флегматичного вида блондин с заурядной внешностью; на вид ему можно было дать лет 40. Во рту у Теодора была трубка, и он вытащил ее, чтобы заговорить.

– Рад приветствовать вас в замке Фирвинден, фрейлейн, – сказал он. – Надеюсь, вы тут задержитесь, потому что фрау Креслер места себе не находит, когда ее муж уезжает по делам и она остается одна.

– Но она ведь не одна, – возразила я. – Вы ведь в замке... и остальные слуги тоже.

Теодор усмехнулся.

– Фрейлейн слишком добра, – промолвил он серьезно. – Какая из нас компания фрау Креслер? – Он выколотил свою трубку и доверительно наклонился ко мне. – Хорошенько проверьте запоры на дверях, фрейлейн. Лично я не ложусь спать, пока не запиру свою комнату крепко-накрепко.

– Вы тоже верите в эти толки о привидениях? – не удержалась я. Лицо Теодора омрачилось.

– Как же мне не верить? Ведь моя жена...

Он замолчал.

– Но я слышала, что она болела, прежде чем ее парализовало, – сказала я.

– А заболела она после того, как увидела Белую даму, – тихо ответил Теодор. – Но я ей не поверил, понимаете? Я решил, что она выдумывает... а потом... Вам известно, что предыдущий управляющий тоже заболел после того, как встретил Белую даму? Воспаление легких прикончило его за несколько дней... Не хотел говорить об этом, но в Фирвиндене такое творится, такое...

Он отвернулся, не договорив.

– Почему бы вам не найти другое место, если вы боитесь оставаться в замке? – спросила я.

Теодор живо повернулся ко мне.

– А вы думаете, я не пытался? Но у меня ничего не вышло. – Он посмотрел на отмеченную крестом башню, и на его лице появилось странное выражение. – Можно

подумать, что замок не хочет меня отпускать.

У меня мороз по коже пробежал от его слов. Теодор заметил это и усмехнулся.

– Да, – продолжал он, – я ведь служу здесь уже много лет, фрейлейн. Дольше, чем остальные слуги.

– Значит, вы еще помните прежнего графа Рейтерна? – спросила я.

Теодор покачал головой.

– Нет. Меня взял на службу господин Блуменау уже после того, как граф умер и графиня с сыновьями уехала отсюда. Дворецкий рассказывал, что при старом графе замок был очень веселым местом: охоты, званые вечера, даже, бывало, фейерверки устраивали. Сейчас, конечно, ничего этого больше нет, хотя земля приносит хороший доход. Нынешний управляющий почти все деньги отсылает вдовствующей госпоже графине, а на содержание замка оставляет ровно столько, сколько необходимо.

Я расспросила Теодора о дворцеком, действительно ли тот умер после того, как увидел привидение графини Рейтерн. Теодор оживился и рассказал, что графиня была исчадьем ада не только при жизни, но и после смерти, и все в округе знали, что она была ведьмой.

– А ксендз говорил мне, – заметила я, – что он не нашел документального подтверждения тому, что говорится о ней в легенде. Ну, что она притесняла окрестных жителей... и что после ее смерти муж убил множество людей.

– Не знаю, что он там нашел, – проворчал Теодор, – но старый могильщик из Шёнберга рассказал мне, что он как-то копал могилу и наткнулся на огромное количество костей. Это и были те, кого убили по приказу графа Рейтерна, и поэтому душа графини до сих пор не знает покоя.

Он поглядел на Ружку, которая, казалось, внимательно слушает его рассказ, и добавил:

– Главное, фрейлейн, не забудьте на ночь помолиться и запереться покрепче. Тогда, даст бог, привидения не появятся.

Легко себе представить, с какими мыслями я в тот вечер ложилась спать. В двери моей спальни был замок, но ключ от него я не отыскала; впрочем, замок уже отчасти проржавел, и я сомневалась, что ключ мог мне помочь. Зато выходящая в коридор дверь кабинета, который примыкал к спальне, была снабжена такими засовами, словно жители замка приготовились обороняться от внешнего врага и не собирались сдавать без боя ни одну из комнат. Ружка с любопытством смотрела, как я запираю дверь; лязг засовов ей не понравился, и она недовольно прижала уши.

Я вошла в спальню и поставила лампу на стол. Комната казалась огромной; ее углы тонули во мраке, а потолок словно утекал куда-то в бесконечность. На меня нахлынули странные мысли: я спрашивала себя, правильно ли мы с отцом сделали, что согласились жить в старинном замке, о котором ходило столько жутких слухов. Тут до моего слуха донесся стук в дверь, которая выходила в коридор.

«Что бы это могло быть?» – тревожно подумала я. Но на пороге обнаружился всего лишь мой отец.

– Зашел пожелать тебе доброй ночи, – сказал он, – и заодно спросить, как ты устроилась.

Тут мне стало стыдно своих страхов, и вполне непринужденно я ответила:

– Ну, привидений я еще не видела, если ты об этом.

Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись; но смех умолк через несколько секунд.

– С одной стороны, я рад, что Креслер предложил нам жить в замке, – произнес отец. –

Серафимы – прекрасные люди, но если бы мы остались в том домике, мы бы непременно под конец поссорились. Не знаю, замечала ли ты, но теснота обостряет всякую пустячную размолвку. С другой стороны...

Он замялся.

– Конечно, нам было бы проще, если бы о замке не ходило столько мрачных легенд, – пришла я ему на помощь. – Но тогда Креслеры не пригласили бы нас тут жить.

– Понимаешь ли, в чем дело, – проговорил отец, тщательно выбирая слова, – если бы речь шла только о фрау Креслер, я бы сказал, что она чрезмерно впечатлительна, и более ничего. Но в том-то и дело, что все боятся этого замка. Я говорил со слугами, и кучер сказал мне, что он счастлив, потому что живет с женой не в замке, а в домике при конюшне. То же самое заявил мне сторож, у которого своя сторожка. Еще он рассказал мне, что до нас Креслеры пытались убедить пастора, чтобы он с семьей перебрался в замок, но он отказался. Такое же предложение сделали доктору Мюллеру и даже пообещали ему, что разрешат охотиться на графских землях, сколько ему захочется. Мюллер – страстный охотник, он заколебался, но его жена узнала о планах мужа и устроила скандал, так что он тоже был вынужден отказаться.

– И только мы согласились, – произнесла я.

– Может быть, нам не стоило этого делать, учитывая все обстоятельства, – заметил мой рассудительный отец. – С другой стороны, на дворе двадцатый век. С какой стати я должен бояться привидений, которым самое место в сказках?

– Послушай, – сказала я, – мы ведь здесь не одни. Креслеры не просто так выделили нам комнаты в этом крыле, рядом с их спальнями. И потом, если вдруг что-то окажется не так, мы не привязаны к этому замку. Мы в любой момент можем уехать в Шёнберг и поселиться там. Хотя, – добавила я, – мне не очень хочется туда возвращаться, потому что, по правде говоря, замок мне нравится.

– По крайней мере, – проговорил отец, глядя на Ружку, которая вертелась возле нас, – пока тебя охраняет такой зверь, я спокоен...

– Ружка вовсе не собака, – возразила я, – и она не обязана меня охранять. А что касается замка, поживем – увидим.

Глава 10

Голос в ночи

По законам повествования после столь внушительного вступления мне в ту же ночь должны были явиться все замковые привидения разом. Но ничего, ровным счетом ничего не произошло. Я прекрасно выпалась в роскошной кровати под балдахином, с аппетитом позавтракала (причем завтрак был много лучше того, который обычно готовили в доме Эвелины) и вместе с отцом и Ружкой уехала в Шёнберг.

На почте сослуживцы засыпали меня градом вопросов, а я смущалась, не зная, как на них ответить.

– Ну, замок... в плане похож на квадрат, с внутренним двором. Вокруг сад, позади замка пруд, а в нем чудесные кувшинки...

– Подводя итоги: кувшинки Анастасия Михайловна заметила, а призраков – нет, – объявил Гофман, улыбаясь во весь рот.

Я не стала рассказывать ни про то, как тщательно запирала засовы на двери, ни про кровать под балдахином. Первое выглядело бы глупо, второе звучало бы неуместным хвастовством среди людей, которые с трудом сводили концы с концами.

Во второй половине дня на почту пришла Эвелина.

– А я все глаз не могла сомкнуть, все думала, как вы там! – сказала она. – Ужасно обидно, что наш новый дом такой маленький. Я себя чувствую так, словно выжила вас оттуда...

Она пожелала в подробностях узнать, как я устроилась, а потом, улучив момент, когда ее никто не видел, сунула мне в руку какую-то тряпочку. Развернув ее, я увидела нечто вроде фигурки, сделанной из янтаря.

– Возьми, – произнесла Эвелина, – тебе он нужнее, чем мне. Это талисман моего народа, который оберегает от злых духов.

Я растерялась – как растерялся бы любой человек, считающий себя несуетерным, когда получает такой подарок от того, кто как раз придает суевериям большое значение. Отказаться было нельзя – я видела, что Эвелина не без труда отрывала от себя эту вещь, и мой отказ оскорбил бы ее до глубины души.

– Большое спасибо, – пробормотала я. – Теперь, кажется, я ничего не боюсь.

Эвелина расцвела и сказала, что еще от призраков помогает соль: насыплешь ее у порога, и они к тебе не войдут. Оборотни и вампиры боятся серебра, но, впрочем, это всем известно.

– Хотя, что я говорю, – добавила Эвелина, – ведь соль не всегда спасает от призраков. Плохо, что они уже много веков находятся в замке; земля питает их, понимаешь? Просто так их не прогнать, поэтому я ни за что не согласилась бы там жить.

Я рассказала ей, что фамильный склеп тоже находится в самом замке.

– О-о, так это совсем скверно, – протянула Эвелина, качая головой. – Правильно я сделала, что отдала тебе талисман. Держи его при себе, тогда никто тебе не сможет навредить.

– А зачем призраки вредят живым? – не удержалась я.

– Как же ты не понимаешь? Вы живые, а они мертвые. Им завидно, и они ненавидят вас.

Но когда я вечером возвращалась в замок, и ветер дул мне в лицо, и башни Фирвиндена летели мне навстречу, облитые солнцем, так что казались почти золотыми, я не удержалась от мысли, что все слухи о замке – сущий вздор, домыслы недалеких людей.

Впрочем, это спасительное соображение почему-то не помешало мне перед сном запереть дверь, выходящую в коридор, так же тщательно, как и вчера.

Спала я недолго: сквозь сон я расслышала ворчание Ружки в кабинете и настойчивый стук в дверь.

– Кто там? – спросила я не без трепета, подойдя к двери.

– Это я, Минна! Откройте, ради бога...

Япустила жену управляющего. Она держала в руке подсвечник с высокой свечой и дрожала всем телом, как осиновый лист.

– Вы слышите? – прошептала она.

За окнами что-то загрохотало, загремело и заворочалось. Бушевала ночная гроза, которую я спросонья даже не заметила.

– Буря, – сказала я. – Ветер.

– Нет, не снаружи. – Она мотнула головой так энергично, что волосы рассыпались по плечам. – В замке! Вы слышите?

Я прислушалась и уловила какой-то жалобный звук, похожий на собачий вой.

– Собака воеет, – ответила я.

Минна отчаянно вцепилась свободной рукой в мою руку.

– В замке нет собак, – прошептала она. – У сторожа есть две собаки, но их не пускают в замок. Это воеет мертвый пес. – Должно быть, на моем лице было написано полное непонимание, потому что она торопливо добавила: – Черный пес убитой графини, помните? Убийца перерезал ему горло...

Во мне разыгрался дух противоречия.

– Если ему перерезали горло, как он может выть? – буркнула я.

– Он же призрак! – испуганно ответила Минна. – И воеет перед очень, очень большим несчастьем... Руди сказал, что пса не слышали в замке больше ста лет!

– Откуда вашему мужу это известно?

– Он прочитал в записках, которые находятся в библиотеке. Они написаны полвека назад. Дворецкий, который служил здесь много лет, тоже говорил мужу, что пса давно не слышали и о нем почти забыли.

– Отпустите меня, – сказала я. – Мне надо взять лампу.

Минна все еще держала меня за руку, но при этих словах разжала пальцы. Я вернулась в спальню, чувствуя, как Ружка сопит и беспокойно вертится вокруг меня. Талисман Эвелины лежал на столе, и, почти не раздумывая, я схватила его, после чего зажгла лампу. Тут мне в голову пришла еще одна мысль, и я вернулась к Минне, которая успела войти в кабинет и запереть дверь.

– А где ваш муж?

– Я не могу его добудиться, – ответила она сдавленным голосом. – Он принял снотворное и спит. Он теперь постоянно принимает на ночь снотворное...

– Пусть спит, – произнесла я. – Тогда мы пойдем за моим отцом.

Я разбудила отца и вкратце объяснила ему ситуацию.

– Что ты собираешься делать? – спросил он.

– Найти эту чертову собаку, которая испугала Минну.

Отец оделся и взял лампу, после чего мы втроем двинулись наугад, ища источник странного звука. Я сказала – втроем, но по справедливости надо сказать «вчетвером», потому что Ружка пошла с нами. Помню коридор, лестницу, какие-то сумрачные анфилады комнат, где стояла покрытая чехлами мебель и со стен на нас загадочно смотрели старинные портреты. Вой, который мы слышали, то был совсем близко, то отдалялся и чем дальше, тем меньше походил на голос живого существа. Неожиданно Ружка прыгнула куда-то в сторону и скачками ринулась в темноту.

– Ружка, стой, стой! – в отчаянии закричала я и бросилась за ней следом. Сопровождающие, растерявшись, побежали за мной. Пятна света от фонарей мотались по стенам и полу, выхватывая то искаженное страхом лицо, то оборки пеньюара Минны. Мелькнул чей-то портрет, доспехи рыцаря, стоящие в углу, и тут в большой зале я наконец увидела Ружку, которая бегала возле камина, тревожно принюхивалась к нему и время от времени вставала на задние лапы, царапая стенку. Увидев меня, рысь мотнула головой и довольно оскалилась. Внезапно откуда-то сверху донесся такой страшный вой, что все мы похолодели, и я покрепче стиснула в руке талисман Эвелины.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Изгнанный король – Людовик XVIII (1755–1824), которому из-за французской революции и Наполеона пришлось долго дожидаться престола, несколько лет провел в Митаве. Дочь Марии Антуанетты – Мария Тереза (1778–1851), вышедшая замуж в Митаве в 1799 году за герцога Ангулемского.

Поразительно (нем.)

Милая (нем.)

Упомянуты две знаковые для Курляндии фигуры: племянница Петра I Анна Иоанновна (1693–1740), которая была выдана замуж в Курляндию, где прожила много лет до того, как стала российской императрицей, и ее фаворит Эрнст-Иоганн Бирон (1690–1772), герцог Курляндский.

«Привет из Митавы» (нем.)

Чепуха (нем.)